

СНАЙПЕР

Дмитрий Силлов

ЗАКОН ХАРМОНТА

Дмитрий Олегович Силлов
Закон Хармонта
Серия «Пикник на обочине»
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Снайпер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8272238

Закон Хармонта: АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-115776-0

Аннотация

Рэдрик Шухарт пожелал «счастья для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженным». Но его желание обернулось большим горем для жителей Хармонта. Город оцеплен воинскими подразделениями, отгорожен от остального мира колючей проволокой. Люди с признаками мутаций отправлены в лаборатории для научных исследований. И, вдобавок ко всему, в развалинах старого завода вновь активизировалась одна из самых загадочных аномалий Зоны – «Бродяга Дик», грозя выбросить в мир людей запредельный ужас иного мира. Но из иномирья приходит не только непобедимое зло. В Зоне Хармонта появляется «побратим смерти», сталкер по имени Снайпер. Смертельно раненный, но непобежденный... Сможет ли он выжить и помочь Шухарту вернуть гражданам Хармонта

их город? Сложный вопрос и очень непростая задача даже для опытных сталкеров. Ведь их могущественный враг уже давно решил, что непокорных ждет лишь одна участь: никто не уйдет из Зоны живым.

Содержание

Глава 1	11
Глава 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Дмитрий Силлов

Закон Хармонта

© Силлов Д.О., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2021

ХРОНОЛОГИЯ РОМАНОВ О СНАЙПЕРЕ

СТАЛКЕР. Закон проклятого

СТАЛКЕР. Закон Зоны

КРЕМЛЬ 2222. Юг

СТАЛКЕР. Закон стрелка

СТАЛКЕР. Закон шрама

КРЕМЛЬ 2222. Северо-запад

КРЕМЛЬ 2222. Север

КРЕМЛЬ 2222. МКАД

КРЕМЛЬ 2222. Сталкер

РОЗА МИРОВ. Закон дракона

СТАЛКЕР. Закон Шухарта

РОЗА МИРОВ. Побратим смерти

СНАЙПЕР. Закон Хармонта

КРЕМЛЬ 2222. Петербург

КРЕМЛЬ 2222. Шереметьево

СТАЛКЕР. Закон «дегтярева»

СТАЛКЕР. Закон Призрака

СТАЛКЕР. Закон клыка
СТАЛКЕР. Закон долга
СТАЛКЕР. Закон свободы
СТАЛКЕР. Закон монолита
ГАДЖЕТ. Чужая Москва
СТАЛКЕР. Закон сталкера
СТАЛКЕР. Закон торговца
СТАЛКЕР. Закон крови
СТАЛКЕР. Закон Охотника
СТАЛКЕР. Закон Припяти
СТАЛКЕР. Закон якудзы
СТАЛКЕР. Закон лесника
СТАЛКЕР. Закон выживших
СТАЛКЕР. Закон бандита
СТАЛКЕР. Закон Черного сталкера
СНАЙПЕР. Закон войны
СТАЛКЕР. Закон Чернобыля

* * *

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемешье, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калинцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе <https://vk.com/worldsillov>, за помощь в развитии проектов «СНАЙПЕР», «СТАЛКЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

* * *

Короче говоря, за последние два месяца, только по имеющимся сведениям, комплексы противника получили свыше шести тысяч единиц материала из

Из интервью, которое специальный корреспондент Хармонтского радио взял у доктора Валентина Пильмана по случаю номинации последнего на вторую Нобелевскую премию по физике за 20... год

– Итак, доктор Пильман, хотел бы прежде всего поздравить вас с номинацией. Как я понимаю, не исключено, что вы станете пятым дважды лауреатом Нобелевской премии за всю историю человечества. И это вполне заслуженно. В свое время я спрашивал вас, не хотите ли вы вплотную заняться чудесными предметами, которые находят в Зонах Посещений. Вы ответили «пожалуй» – и вот результат, вторая Нобелевская премия. Ваши исследования во всех шести Зонах поистине...

– Давайте обойдемся без дифирамбов. Во-первых, от номинации на премию до ее вручения примерно как от Земли до альфы созвездия Лебеда. И, во-вторых, лично я считаю, что практически все мои исследования не стоят и ломаного цента. Мы до сих пор не знаем истинной причины появления Зон на нашей планете. Мы понятия не имеем, что представляют собой на самом деле все эти «пустышки», «ведьмины студни», «черные брызги» и прочие загадочные предметы, которые мы, ученые, называем «материалом» и над тайной которых бьемся уже не первый год. При этом до сих пор ученые всего мира не получили ни единого внятного ответа на

кучу вопросов, связанных с ними. Да, мы используем эти артефакты во благо человечества, некоторые из них даже научились клонировать, но что они такое и откуда взялись, до сих пор загадка.

– Вы, вероятно, шутите, доктор. Премии такого уровня не вручают просто так.

– Не смешите меня, юноша. Я всю свою жизнь посвятил науке и, по крайней мере, научился объективно оценивать результаты моих исследований. Так вот, я считаю, что мы по-прежнему ничего не знаем о Зонах. Ни-че-го, кроме того, что они смертельно опасны и, словно поля, отравленные радиацией, исправно приносят урожай в виде странных предметов, многие из которых смертельно опасны для человека.

– Ну, дорогие хармонтцы, думаю, вам не нужно напоминать о феноменальной скромности нашего доктора, которая равна его достижениям в науке. Кстати, не могли бы вы объяснить нашим слушателям, что вы имели в виду, говоря об урожае, который Зоны исправно приносят? Разве артефакты – это не предметы, оставшиеся после Посещений на зараженных землях?

– Именно так. Когда первые исследователи перешагнули границы Зон, они наткнулись на эти самые артефакты. И, естественно, утащили их с собой. С тех пор этот процесс продолжается непрерывно. Согласно статистике, и ученые, и сталкеры в совокупности за первый год после Посещения вынесли из шести Зон, разбросанных по планете, около пя-

ти тысяч артефактов. В настоящее время эта цифра выросла до пятидесяти-шестидесяти тысяч в год. Такое впечатление, что чем больше загадочных предметов выносятся из Зон, тем больше их становится.

– Удивительный факт, удивительные цифры. Господин Пильман, и все-таки не могли бы вы хоть немного приоткрыть завесу тайны перед нашими слушателями? Как вы думаете, какова причина того, что сколько бы из Зон Посещения ни выносили артефактов, они возрождаются вновь в еще большем количестве? Хотя бы предположение?

– По меньшей мере неразумно и в корне непрофессионально тыкать пальцем в небо, не имея хотя бы малейших объективных зацепок. Поэтому пусть меня лишат номинации на премию, но я отвечу честно – не знаю. Я не имею ни малейшего понятия, почему из года в год артефакты в Зонах множатся, словно грибы после радиоактивного дождя. И вряд ли смогу порадовать вас решением этой загадки в ближайшее время, так как за годы наших исследований мы даже на дюйм не приблизились к ней. Как, впрочем, и к многим другим необъяснимым загадкам, которые Зоны Посещений преподносят нам чуть ли не каждый день.

Глава 1

Слепые кварталы

Хлебнул я как следует из бокала, выгреб из кармана кучу мелочи, слез с табуретки и первым делом запустил музыкальный автомат на полную катушку. Есть там одна такая песенка – «Не возвращайся, если не уверен». Очень она на меня хорошо действует после Зоны...

Аркадий и Борис Стругацкие. «Пикник на обочине»

Если хорошенько вдуматься, то жизнь наша изрядно похожа на «пустышку». Есть в ней два заметных момента, яркие такие, словно начищенные медные блюдца известного артефакта, который еще называют «гидромагнитной ловушкой» или «объектом семьдесят семь-бэ».

Первый – это когда ты рождаешься и маячит перед тобой пятно света в форме такого вот блюдца.

И последний, когда помираешь. Сталкеры, которые были на грани, но вернулись, говорили, что тоннель сверкающий видели. Ну, в общем, тема известная.

А между этими блюдами – ничего. Пустота. Хоть руку туда суй, хоть башку свою шибко умную. Все равно там пусто. А то, чем ты пытаешься ту пустоту заполнить, – временно и не имеет никакого значения. Уж для «пустышки» точно.

Но бывают исключения.

Это когда тебе везет несказанно и ты находишь «объект семьдесят семь-а». Тоже «пустышку», только полную, с какой-то синей начинкой внутри, переливающейся величаво так, со значением. Кажется, присмотрись повнимательнее – и ухватишь что-то очень важное для себя, смысл бытия постигнешь, поймешь, чего ради живешь на этом свете...

Многие глядели. Лакмусовые бумажки совали. Потом руки. Даже головы. Так и не понял никто, что там за сияние такое. Ну колышется, ну переливается. И ничего более. Никакого нет в нем особого смысла и принципиального отличия от обычной пустоты. В общем, всё как в жизни. Один только манящий свет, а на деле – ничего.

А Кирилл Панов за полную «пустышку» жизнь свою отдал. За мечту. За сияние, от которого нет никакого толку. И если б не я, Рэд Шухарт, рыжий сталкер из Хармонта, жил бы сейчас этот ученый на свете, возился б с артефактами и был счастлив. И Арчи жил бы. И еще многие люди, которых нет больше на свете.

Интересно, а есть ли вообще в Хармонте кто-то, кто не желает смерти Рэду Шухарту? Может, и нет. Но, так или иначе, нужно сделать то, что задумано. А дальше – хоть трава не расти...

По городу шел человек, гоняя в голове невеселые мысли. Его можно было понять. С тех пор как на окраине Хармонта обосновалась Зона, город напоминал больного, у которо-

го доктора нашли доброкачественную опухоль. Вроде бы ничего страшного, живешь себе, занимаешься своими делами. Но при этом постоянно помнишь о том, что есть в тебе кусок перерожденной плоти, которая вроде бы как твоя, но в то же время и нет. И которая в любой момент может стать злокачественной.

А недавно опухоль дала о себе знать, осчастливив организм неслыханной благодатью для каждого жителя Хармонта. И тут же на город набросились доктора. Потому что счастье для всех и каждого – штука заразная, которая если на другие организмы перекинется, то это будет уже эпидемия. Страшная болезнь, которая лечится только целебными ядерными грибами.

И сейчас для того, чтоб предотвратить радикальные меры, Хармонт и Зона, примыкающая к нему, были добросовестно обнесены колючей проволокой в три ряда, кордоном, усиленным пулеметными вышками, блокпостами и бронетранспортерами. Ну и, само собой, военных в город согнали – тьму-тьмущую. В глазах пестрит от камуфляжей, нашивок и разнокалиберного оружия. Правда, стрелять не в кого. Люди из домов выходят только за бесплатной похлебкой, которую военные в химзащите раздают прямо на улицах с полевых кухонь, прицепленных к броневику. И называется все это «временными мерами, связанными с повышенной опасностью Зоны для мирного населения».

Но Шухарту было наплевать на броневики и военных. У

него была цель, простая и очевидная. Ради нее Рэдрик слетал в другое полушарие планеты, прошел там через огонь, воду, плен, рабство и ранение, после которого не выживают. Но он все же смог остаться в живых и вернуться в родной Хармонт¹. И сейчас сталкер шел к этой цели, до которой оставалось пройти всего ничего: два дома, потом направо во двор с покосившимся гаражом и облезлой подъездной дверью, которую давно пора перекрасить.

Его не узнавали – он все сделал для этого. На Рэдрике была мешковатая сталкерская толстовка с глубоким капюшоном, купленная в Украине, в маленьком городке неподалеку от тамошней Зоны. Почти все местные сталкеры носили аналогичные. Такой капюшон хорош тем, что закрывает уши и шею от «жгучего пуха», а лицо – от лишних глаз. Военные бросали на человека настороженные взгляды, но не останавливали. Может, потому, что многие жители Хармонта сейчас прятали лица за козырьками бейсболок и такими вот капюшонами: контакт глазами – это всегда повод для окрика, за которым может последовать все что угодно.

А может, и потому они не обращали внимания, что Шухарт все еще сжимал в онемевшей руке бесценный артефакт, действие которого должно было давным-давно закончиться. Но Рэду очень хотелось верить в чудо – и пока что никто не окликнул его. Может, случайность, а может, и нет – порой

¹ О приключениях Рэдрика Шухарта в украинской Зоне можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Сталкер. Закон Шухарта».

Зона щедра на подарки, словно скупая мачеха после пары рюмок хорошего коньяка.

Сталкер свернул в знакомый двор, мысленно моля Зону еще об одной милости, словно она была живым существом, способным услышать его. А вдруг услышит? Вдруг сбудется его маленькое счастье – не для всех, все до сих пор сыты им по самую макушку. Не для всех, только для него и трех единственно близких существ, дороже которых нет никого на свете?

– Помоги, прошу! – шептал Шухарт, направляясь к облезлой двери подъезда. Каждый шаг давался ему с трудом, ноги не шли. Ватными стали как-то сразу и вдруг. Но Рэд все равно переставлял их, с каждым шагом приближаясь к цели, ради которой он столько вынес...

До побитых ступенек оставалось всего ничего, когда подъездная дверь скрипнула и на пороге нарисовался управляющий.

С того времени, как Рэдрик видел его в последний раз, ничего в управляющем не поменялось. Как всегда помятый и недовольный, даже потертая курточка с пятном у кармана та же самая. Бывают такие люди, ничего их не берет. Даже если апокалипсис вселенский случится, только они и останутся. Будут ходить меж руин и скелетов, брезгливо пиная обожженные кости и кривя тонкогубые рты – мол, ничего не поменялось, что до катастрофы было все плохо, что после то же самое.

Правда, когда сталкер оторвал взгляд от ступенек и поднял глаза, в кислой физиономии управляющего случилась серьезная перемена. Глаза округлились, руки затряслись, на бледной, с прожилочками переносице мигом выступили капли пота, хотя день был вовсе не жарким.

– Ми... мистер Шухарт, – дрожащим голосом произнес управляющий. – Я... Я все делал, как вы сказали... Еду носил, воду... Каждый день носил... Они брали редко, но я все равно...

Рэд просто стоял и слушал, сжав в руке «сучью погремушку» с такой силой, что удивительно было, как ценный артефакт еще не рассыпался на молекулы. Управляющий сказал «они брали». Значит, теперь не берут. Значит, Гуты, Мартышки и отца больше нет в квартире на втором этаже. Или же они все еще там, но им больше не требуется ни вода, ни пропитание.

– Где они? – очень тихо сказал Шухарт, усилием воли подавив дрожь во всем теле. Потому что если сказать по-другому, это уже не вопрос будет, а рев звериный, нечеловеческий, страшный...

– Их забрали, – отступив на шаг назад и побледнев, произнес управляющий, хотя казалось, что больше бледнеть уже некуда. – В Институт аномальных зон... Тот, что раньше назывался Институтом внеземных культур... Я не знаю, что с ними было дальше. Туда забрали всех мутан...

Управляющий осекся и отступил еще на шаг, уперевшись

спиной в косяк. Дальше отступать было некуда.

– Это ты их сдал, – тускло и скучно произнес Шухарт. Не спросил, а именно констатировал факт, как нечто само собой разумеющееся.

Управляющий смотрел на него, как кролик на удава, трясясь всем телом и не в силах оторвать взгляда. Еще немного, и это существо наложит в штаны, а может, умрет от страха. Потому что даже если ты самая распоследняя сволочь, полностью уверенная в собственной правоте, все равно там, очень глубоко внутри себя сволочизм свой осознаешь. И боишься, что придут к тебе однажды и спросят за всё по полной...

Но сейчас Рэдрику было не до этого слизняка. Конечно, надо бы его раздавить, но ведь потом от вони и гнили отмыться – это время нужно. А вот времени-то как раз у Рэда и не было. Потому что в знакомом старом Институте с новым названием кто-то решил, что семья Шухарта – это мутанты, подлежащие изучению. Что их можно держать в клетках, отрезая небольшие кусочки плоти для биопсии и других полезных исследований. А может, препарировать заживо, как лабораторных лягушек, наблюдая, как реагируют на боль те, ради кого Рэд готов был сам вытерпеть любые, самые страшные мучения.

Бежать было нельзя – внимание привлечешь. Поэтому Шухарт развернулся, надвинул капюшон поглубже, засунул в карманы трясущиеся руки и пошел знакомой дорогой, ко-

торой он ходил десятки раз, пока работал лаборантом в Институте внеземных культур. Идти, в общем-то, недалеко. Вышел со двора — и двигай себе прямо по дороге, пока в тот Институт не упруешься... Которому теперь не до внеземных культур. В котором нынче аномальные зоны изучают. И мутантов...

Шухарт сжал зубы, чтобы не завывать от бессильной тоски. И ему ясно, что сейчас охраняется тот Институт не в пример серьезнее, чем при капитане Вилли Херцогe. Наверняка оцепление, стационарная охрана на этажах, патрули по двое в коридорах. Ну, скажем, проникнешь ты, сталкер, внутрь, и даже своих найдешь. Вывести получится ли? И куда поведешь ты их, если даже выведешь? Но самое страшное: захотят ли они пойти с тобой, Рэд Шухарт? Помнишь, что тебе Гута сказала на прощание? «Уходи. И больше не возвращайся». А ты вернулся. Со счастьем в кармане, которое запросто может убить тех, кто не хотел больше видеть тебя рядом с собой. Получается, не для них, а для себя ты все это делаешь, Рыжий. Им же только горе приносишь, а сейчас, может быть, и смерть принес жуткую, болезненную, страшную, что покоится во внутреннем кармане твоей толстовки...

Рэд мотнул головой, словно это простое движение могло отогнать сложные, тяжелые мысли, скребущиеся внутри черепа, будто злые кошки. Да, всё так. Да, благодаря ему, Шухарту, город сейчас набит военными, словно заплесневелая буханка тараканами, а в старом Институте творится черт зна-

ет что. Но он не мог не идти. Не мог – и все тут. Пусть даже убьют его сегодня, но перед смертью он должен хотя бы увидеть своих. Хотя бы попытаться это сделать...

Сталкер настолько задумался, уставившись себе под ноги, что едва не налетел на «Кадиллак Скаут», раскорячившийся посреди улицы. В последний момент тормознул и круто повернул направо, обходя броневик и не обращая внимания на взгляды двух морпехов, рассеявшихся на броне. Хлипкий кордон, отделяющий Хармонт от предзонника, сняли. Зачем он нужен, когда теперь и город, и Зона – одно целое? Теперь на месте снятого ограждения торчал броневик – впрочем, их теперь на каждой улице Хармонта было как вшей на сером рубище недавно умершего бродяги.

– Ишь ты, как его вштырило, – заметил военный, поправляя фильтрующую маску на лице. – Еще немного, и башкой борт бы протаранил.

– А что им остается? – пожал плечами второй. – Я видел такое раньше на подконтрольных территориях. Сначала они выкуривают все свои запасы травы, а потом начинают резать по ночам наши патрули. Мы же без команды не смей даже плюнуть в их сторону.

– Сволочи, шило им в задницу, – пробормотал первый, справившийся наконец с маской. И непонятно было, к кому относились его проклятия – к жителям Хармонта или к начальству, не спешащему отдавать соответствующие команды...

Недовольные комментарии военного Шухарт слышал уже за спиной. До Института оставалось пройти совсем немного – вон его пятнадцатизэтажный главный корпус маячит за деревьями. Совсем чуть-чуть...

Рэд невольно ускорил шаг, даже сбившийся капюшон не поправил – не до того было, все мысли предстоящим заняты.

А зря не поправил...

Из-за угла дома, стоящего возле дороги, вышел подвыпивший мужик в потертой штормовке, на ходу выбивая из пачки сигарету без фильтра. Получалось у него это неважно, поэтому мужик забористо матерился. Но на этом его беды не кончились. После особенно сильного удара пачка вылетела из руки незадачливого курильщика – и шлепнулась прямо под ноги Шухарта.

Мужик матернулся еще раз, коротко и емко, как умеют только в Америке и в России, сделал шаг вперед, поднял глаза... и замер, забыв про потерянные сигареты.

Рэдрик невольно сбавил шаг – чисто для того, чтобы обойти живое препятствие. Но мужик – не смотри, что поддатый – ловко заступил ему дорогу. Был бы трезвый, может, поостерегся бы. А так полпинты виски, принятые на грудь, добавили смелости.

– Далеко собрался, Шухарт? – громко осведомился он.

– Отвали, Билл, – сквозь зубы процедил сталкер, делая очередную попытку обогнуть назойливого алкаша.

– Отвалить?! – взревел Билли, торговец рыбой с гово-

рящим прозвищем Треска, протягивая руки вперед, чтобы схватить Рэда за грудки. – Ты Рябого, моего кореша закадычного, как собаку пристрелил, а мне отвалить?! Из-за тебя все мы словно проклятые индейцы сидим за колючей...
ык...

Шухарту очень нужно было туда, к главному корпусу Института. А еще он не любил, когда кто-то тянул руки к его горлу, дыша при этом в лицо перегаром. Поэтому он мягко шагнул вбок, левой рукой отводя в сторону лапищи Билла, а правой нанося ему короткий удар под дых.

Габаритный рыботорговец мгновенно сложился пополам, став похожим на букву «r». Стоит себе, за живот держится, ртом воздух хватает и глаза пучит, изрядно напоминая при этом рыбу, благодаря которой получил свое прозвище. Сталкер же не стал дожидаться, пока Треске полегчает, обошел его и продолжил путь к своей цели.

– Видал? – ухмыльнулся морпех. – Ловко он его, с одного удара.

Напарник не ответил. Он задумчиво глядел на выцветший плакат, наклеенный на стене дома. На плакате была пропечатана отсканированная фотография с какого-то документа, под которой красовалась надпись: «Разыскивается особо опасный преступник Рэдрик Шухарт. За помощь в его поимке правительство США выплачивает премию 100 000 долларов. Внимание! При задержании соблюдать осторожность, преступник может быть вооружен».

– Тот алкаш его Шухартом назвал, – пробормотал себе под нос морпех, наконец сопоставив в голове информацию на плакате с произошедшим только что. После чего, с силой ударив каблуком по броне, сноровисто скользнул в открытый люк, попутно крича водителю:

– Заводи свою шарманку, Дик! Преступник уходит!

Рев двигателя за спиной заставил Шухарта обернуться. Дьявол, так и есть! Билли Треска переполошил военных. Теперь не то что найти своих в Институте, до самого Института добраться бы! Потому что бежать больше некуда. Потому что через несколько минут не экипаж броневика, а весь Хармонт будет ловить беглого сталкера. Рэд успел зацепить взглядом тот плакат на доме, а вот осознавал информацию уже на бегу, припустив по прямой, словно спринтер, идущий на мировой рекорд. Вилять, лавировать, «качать маятник» бесполезно. Если с «Кадиллака» синхронно ударят два танковых пулемета М73, лавируй не лавируй, все равно останутся от тебя только клочки плоти, вряд ли подлежащие опознанию.

Но так как в объявлении не уточнялось, живым или мертвым требуется предъявить преступника властям, морпехам нужен был целый Шухарт. Поэтому вслед бегущему сталкеру полетели не пули калибра 7,62, а лишь слова, усиленные рупором:

– Рэдрик Шухарт, немедленно остановитесь! В противном

случае мы будем вынуждены открыть огонь на поражение!

Рев двигателя за спиной стремительно приближался. Но приближалась и рощица толстых вековых деревьев, растущая прямо перед входом в Институт.

«Если не выстрелили до сих пор, может, повезет!...» – пронеслось в голове Рэда. Силы стремительно заканчивались... но внезапно Шухарт понял, что может большее. Намного большее, чем обычный человек. И наддал, ускорившись чуть ли не вдвое, вопреки законам нормальной человеческой физиологии.

Водитель броневика, вполне себе уверенный в том, что он вот-вот обгонит беглеца, поставит машину поперек дороги, а дальше уже парни в два счета повяжут сталкера, был весьма удивлен. Беглец внезапно рванул вперед с чемпионской скоростью и скрылся в роще. А машину, врезавшуюся в ближайшее дерево, нехило тряхнуло, отчего водитель с размаху приложился головой о лобовое стекло...

Сзади трещала вековая оregonская сосна, падая и ломая по пути ветки соседних деревьев. Надрывался мегафон, грозя беглецу всеми карами земными, но Рэдрик бежал, лавируя между деревьями и не обращая внимания ни на что, кроме стремительно приближающихся распашных дверей Института, сработанных из тяжелого свинцового стекла.

Странно, но стационарного поста возле дверей Института не было. Шухарт лишь увидел пару патрульных, стоящих возле угла здания и в недоумении вертящих головами. На-

верно, слышали вопли морпехов и сейчас соображали, с чего это коллеги подняли такой гвалт по ту сторону небольшого парка.

«Хорошо, что стрелять не начали», – пронеслось в голове сталкера. Хотя и толстые деревья в институтской роще, непомерно и фантастично разросшиеся за годы после так называемого Посещения, а все ж шальные пули никто не отменял. Но, видимо, морпехи пожалели тратить боезапас, расстреливая сосны без гарантированного результата. А может, все-таки надеялись поймать беглеца живым.

– Надейтесь, – пробормотал Рэд, дергая на себя дверную ручку с местами облезшей позолотой.

В вестибюле охрана имелаась – двое сержантов-гвардейцев, при пистолетах и дубинках. Скромно, Шухарт большего ожидал. Хотя, если вдуматься, теперешние военные власти понять можно. Кому нужен старый Институт по исследованию того, что исследовать нереально? Особенно после того, как город объявили частью Зоны. Сейчас главное – периметр охранять, а Институт-то как раз внутри того периметра и находится. Так что поставили для острастки патруль, вышагивающий вдоль корпусов, да пару старых сотрудников охраны на входе – и ладно. Понятное дело, случись что – через пять минут по свистку сюда рота морпехов на броневиках примчится.

Но иногда пять минут – это очень и очень много.

– Куда? – рявкнул щекастый гвардеец, сидящий за брони-

рованным стеклом в бюро пропусков.

– Туда, – отозвался Шухарт, легко перепрыгивая через турникет. Пока эта толстозадая морда выберется из своего аквариума, можно будет пару раз вокруг главного корпуса оббежать.

А вот второй гвардеец, стоящий за турникетом, был персонажем гораздо более серьезным. Плечи квадратные, голова угловатая, кулаки кубиками. Будто с репродукции Пикассо сошел, что Гута на кухне повесила. Никогда та картина Шухарту не нравилась, как и люди с кулаками, смахивающими на урны для мусора.

Похоже, с такими габаритами охранник привык полагаться исключительно на собственную мощь – пистолет и дубинка, висящие на его поясе, казались игрушечными и абсолютно ненужными.

– Стоять! – рявкнул гвардеец, растопылив руки и став похожим на дрессированного гризли, собирающегося сплясать «сквэр данс». – Кто такой?

– Лаборант, – сказал Шухарт, с разбегу и от души нанося отработанный удар в квадратную челюсть. – Бывший.

Челюсть не только с виду оказалась знатная, это Рэд всей рукой почувствовал, от кисти до локтя. Пойди этот медведь не в охрану, а в профессиональный бокс, цены б ему не было. В такую репу стучать – все равно что мраморный памятник по морде охаживать.

Но в боксе на руки спортсменов надеты мягкие перчатки,

а не стальные кастеты – любимое оружие Шухарта. И эффективно, если пользоваться умеешь, и выбросить не жалко после того, как чей-то портрет подрихтовал.

Гвардеец, не ожидавший эдакого сюрприза, рухнул на спину. Ничего, это не ножом и не пулей. Челюсть срастется и будет как новенькая. Может, после этого ее хозяин одумается и подастся в бокс – оно всяко безопаснее, чем ловить сталкеров.

Однако сверху, со стороны широкой лестницы, ведущей на второй этаж, уже несясь грохот подкованных армейских ботинок – и, судя по звуку, ног, обутых в те ботинки, было много.

Шухарт скрипнул зубами. Конечно, идея изначально была безумной. Гута, Мартышка и отец могли быть где угодно, на любом из пятнадцати этажей главного корпуса и в трех остальных зданиях, построенных позже и вместе составлявших институтский комплекс. Обшарить все помещения нереально, оставалось надеяться только на фантастическое везение и невероятную удачу.

Ни того, ни другого не случилось. Это лишь в плохих романах героям все падает с неба в виде плюшек и бонусов. В жизни чаще сверху падает дерьмо – или, вот как сейчас, куча гвардейцев, скатывающихся с лестницы вниз, гремя подошвами и оружием.

В подобных ситуациях всегда есть выбор, причем довольно богатый. Сдаться в плен. Броситься на охранников с

кастетом наперевес, навстречу фантастическим звездюлям и очередному тюремному заключению. Или же попытаться скрыться – потому что, будучи непокалеченным и свободным, ты еще можешь попытаться помочь своим.

И Шухарт выбрал.

Слева от него была еще одна лестница, ведущая вниз, в подземный коридор, соединяющий корпуса Института. Удобная штука. По крайней мере, была таковой в те времена, когда Рэдрик работал в Институте лаборантом. Поверху идти замаешься – пока все посты пройдешь, везде пропуска предьявишь, половина рабочего дня уйдет. А в подземной кишке никаких постов, только коридоры со стенами, обитыми стальными панелями.

Казалось бы, ход неочевидный. Гвардейцам и морпехам со своими рациями раз плюнуть заблокировать подземные переходы, замкнутые на четырех зданиях Института. Однако не все было так просто.

Дело в том, что некоторые панели сдвигались в стороны. За одними скрывались электрощиты и проводка, за другими – подсобки уборщиков с ведрами и швабрами, за третьими – небольшие отнорки с водопроводными и канализационными люками. Лицам, не имеющим отношения к обслуживающему персоналу Института, знать все это было вовсе не обязательно. Но плох тот сталкер, кто при первой же возможности не узнает всё о здании, где ему случилось работать. Особенно если это здание находится рядом с Зоной.

А Шухарт был очень хорошим сталкером...

Панель отъехала в сторону легко и бесшумно. Еще бы! Именно на нее Рэд несколько лет назад самолично потратил полтюбика лучшей силиконовой смазки. И смотри-ка, не обманул продавец, до сих пор стальной лист ходит как по маслу. Хотя, может, и заново кто промазал направляющие, да только вряд ли. Во всех храмах науки почему-то обслуга напоминает ученых, витающих в облаках между великими открытиями.

Но сталкеру было не до анализа причин своей маленькой удачи. Например, за столь длительное время могли замки в панели вделать – и тогда всё, амба, приехали. Извольте, господин Шухарт, получить прикладом в спину, ткнуться мордой в бетон и послушать формулу Миранды, пока на ваших запястьях затягивают браслеты. Или могло быть проще, без формулы. Например, прямо тут, в подвале, пуля в башку по каким-нибудь новым законам чрезвычайного положения, предусматривающим радикальные меры пресечения для особо опасных и, возможно, вооруженных преступников.

Проскользнув в образовавшуюся щель, Рэд осторожно задвинул за собой панель, достал из кармана маленький тактический фонарь и нажал на кнопку.

Узкий луч света выхватил из темноты крышку канализационного люка. Старую, тяжелую, с рельефным гербом города Хармонта, сохранившуюся еще со времен постройки пер-

вых этажей Института. Возле стены лежал короткий ломик – инструмент, необходимый для поднятия эдаких раритетных блинов из серого чугуна.

За спиной Шухарта раздался бодрый стук ботинок по бетону, приглушенный панелью. Сталкер послушал, как топот стихает, удаляясь вдаль по гулкому коридору, после чего подцепил ломиком чугунный блин и, поднатужившись, сдвинул его в сторону.

Из черной дыры в полу тяжело пахнуло сыростью, плесенью и дерьмом. Городская канализация соединяла и жилую часть Хармонта, и мертвые городские кварталы, давным-давно ставшие достоянием Зоны. Там, наверху, на запретной территории, могли происходить всякие необъяснимые явления. Но внизу, в разветвленной сети широких подземных труб, все было по-старому, ибо дерьмо есть субстанция, неподвластная ни космическим, ни рукотворным чудесам. Именно отсюда, из институтского подвала несколько раз ходил в Зону Рэд Шухарт, когда еще был лаборантом. К слову сказать, хоть и вонючий это способ проникновения на запретку, но самый что ни на есть безопасный, если идти аккуратно, не наступая в темноте на хвосты крыс и ондатр, водившихся в канализации во множестве.

Беглец вздохнул и начал спускаться, перебирая руками и ногами осклизлые перекладины стальной лестницы. Он даже не попытался задвинуть за собой люк. Во-первых, это нереально, тяжелый он. И, во-вторых, даже если гвардейцы дога-

даются обшарить подвальные подсобки, хрен кто из них полезет следом. Потому что понимают – таким образом сталкер мог сбежать только в одном направлении. В том самом, куда ни один, даже самый отважный гвардеец или морпех не пойдет даже за очень солидное вознаграждение.

* * *

Слепой квартал – жуткое место. С ходу и не поймешь, почему у тебя мурашки по коже. Вроде дома и дома, только облупленные слегка, даже стекла в окнах почти нигде не разбиты. Правда, долго в эти окна пялиться не надо. Можно отражение увидеть, причем не своё, и умом тронуться запросто. Бывали случаи, когда неопытные сталкеры выбегали отсюда и неслись, не разбирая дороги и вопя во все горло... До первой патрульной пули, благо Институт с его бравыми гвардейцами – вон он, рукой подать.

Шухарт осторожно вылез из разверстого зева канализационного люка, крышку которого он свернул еще в годы своей недолгой лаборантской карьеры. Вон она, валяется рядышком, поросшая местным мхом, ядовито-зеленого, неестественного цвета. Не бывает в природе такой яркой зелени, будто этот мох из пластмассы отлили. Ну да ладно, на то она и Зона, чтоб были в ней всякие неясности типа такого вот мха и свихнувшихся сталкеров.

«Один из них я, например», – подумал Шухарт, брезгливо

страхивая с ботинок налипшие фекалии. Правда, занимался он этим недолго. Дерьмо не «ведьмин студень», не фатально. В отличие от всего остального, чем богата Зона.

Аккуратно обойдя яркие проплешины мха, Рэдрик осторожно выглянул из-за угла облезлого пятиэтажного дома.

Ну да, на первый взгляд все по-старому. Прямо – главное здание Института, рядом с которым расположились гаражи с «летучими галошами», «скорыми» и пожарными машинами. Тут же обширный институтский двор, справа от которого отгорожена отдельная площадка с вертолетом спасателей. Только что нет теперь плаката с выцветшей надписью: «Добро пожаловать, господа пришельцы!» Кто-то додумался его снять наконец. Потому что ежу понятно – если причина аномальной активности Зоны все-таки в космических пучеглазых человечках, то вряд ли эти пакостники, местами порядком изгадившие нашу планету, читают по-английски. Уж больно их артефакты и аномалии чужды всему человеческому. Ну, а если Зона есть результат неофициальной деятельности правительства, то наличие такого плаката и по-давно указывает на слабоумие руководства Института. Ибо какое тут на хрен «добро пожаловать», когда количество пострадавших по милости Зоны и умерших в ней вполне соизмеримо с числом жертв хорошего локального конфликта.

Так, смотрим дальше. Слева – памятная дорога, по которой они с Пановым и Тендером однажды катались к гаражам. Справа – стеклянный киоск, детская площадка и наполови-

ну рассыпавшийся бетонный забор, сразу за которым начинаются серые здания давно заброшенного завода. Интересная тема, кстати. Качельки, небольшая карусель, горка, сваренная из листов жести, – все это новое, будто только вчера покрашенное. А заводской забор развалился, словно его лет двести назад возвели из глины, а не из бетонных плит.

«Ну и ладно, – мысленно одернул сам себя Шухарт. – Нашел чему удивляться, будто Зоны раньше не видел. Никак, ностальгия настигла по прошлому?»

Рэд невесело усмехнулся. Ну ее, такую ностальгию. Как русский друг Панов погиб от «серебристой паутины», всё в жизни Шухарта пошло наперекосяк. Наверно, вообще не надо было трогать ту полную «пустышку». В первый раз, как нашел ее, не тронул же. Будто подсказал кто внутри: «не лезь, не надо». Но то ли не послушался тогда чуйки сталкерской, то ли голоса Зоны, что по сути есть одно и то же. И получил по полной. До сих пор аукается, причем с каждым разом все сильнее и сильнее, по нарастающей, словно «слепой гром», в который влез по дурости либо по незнанию.

– В твоем случае, Шухарт, по дурости, – негромко произнес Рэд. – И от жадности. Друга ты решил от тоски избавить? Ну да, и заодно премиальные поднять. Как русские говорят, двух зайцев убить. Убил. Две цели, дуплетом. Только не зайцев, а друга и собственную жизнь.

Сталкер куснул себя за губу, крепко зажмурился, слизнул капельку крови. Конечно, это не глоток коньяка, но помогло.

Зона порой и опытных волчар морочит – на поговорить и на совесть. Бьет по больному, из равновесия выводит. Да только хрен ей по всей территории, от кладбища до старого ранчо. Не за тем он, Рэд Шухарт, сюда приперся, чтоб от депрессии башку об стену разбить или добежать до ближайшего подвала и той башкой в «ведьмин студень» макнуться. Другие у него цели, совсем другие.

И дорога другая.

После того, как в далекой Украине мутант из его тела извлек пулю с помощью «синей панацеи», что-то в сталкере изменилось. Не во внешности, нет. Пальцев не прибавилось и не убавилось, глаз тоже, и все остальное тоже на месте. Внутри что-то изменилось, а что – не понять. Например, с полчаса назад, когда его бронетранспортер догонял, очень хотелось Шухарту бежать быстрее. И ведь побегал, только что подошвы ботинок не оторвались. Или вот в Борисполе, аэропорту киевском, при досмотре перед полетом домой, в Штаты. Чемодан сталкера только что не светился от артефактов. Ан нет, все прошло как по маслу. Пограничник как глядел на экран монитора не мигая, стеклянными глазами, так продолжал в него пялиться, словно статуя, пока сталкерский багаж просвечивался рентгеном. Может, так оно всегда в аэропортах. Может, эти специально обученные люди реагируют только на оружие, наркотики и портативные атомные бомбы, а артефакты из Зоны в Украине разрешены к провозу за рубеж, как сувенирные магнитики с видом на Майдан Неза-

лежности. Но что-то подсказывало Шухарту – вряд ли. Случайностей в судьбе сталкера не бывает. И если все-таки происходит что-то неординарное, будь уверен – без Зоны тут не обошлось.

Но это всё домыслы по поводу возможных случайностей. А объективно – идти надо. К цели. Это Рэд только сейчас осознал, что на самом деле ему есть куда идти. Что не просто так он в Зону ломанулся. Здесь началось все, здесь и закончится. Только по-другому, не так, как раньше.

Шухарт прикрыл глаза, представляя себе не раз виденную карту. Так, сейчас он здесь, в Первом Чумном квартале, за которым Второй и Третий. Относительно безопасный участок, фактически прямая дорога к центру Зоны... которой ни один вменяемый сталкер не ходил уже много лет. Почему? Да очень просто. Потому, что те, кто пытался сделать это еще в самые первые годы после Посещения, не возвращались. И останков их никто более не видел. Ушел человек в Чумные кварталы, и всё, с концами, будто и не было его. До Второго еще слышали голос по рации, правда, с помехами, мол, нормально все, иду свободно, как по Бродвею. А потом – раз! И тишина. Ни голоса, ни помех. Ничего. Как отрубил. Был человек, и нет человека.

В те разы, когда Рэд, дежуря в ночную смену, ходил сюда через институтскую канализацию, само собой, дальше Первого он не совался. Вылезал из люка – и потихоньку, по-пластунски, полз вдоль детской площадки, пока не упирался в

первую вешку. Далее, конечно, были возможны варианты, но без фанатизма, аккуратно, по местам, от которых более-менее знал, что можно ожидать. Местность возле Института вообще всегда плотно аномалиями покрыта была, по ней постоянно как по минному полю ходишь. Правда, и хабар добывали знатный, потому Институт здесь и отгрохали, чтоб далеко не ходить за материалом для исследований. Дальше в Зоне – по-всякому. Можешь полмили идти и ни одной аномалии не встретить, а бывает, что на Поле попадаешь, где они чуть не друг на дружке сидят, сверху для красоты «мочалом» обмотавшись. Такие дела.

Все это Шухарт гонял в голове, пока неспешно шел по Первому Чумному кварталу. Полезное это дело – в такие моменты думать про всякую хрень. Тогда меньше обращаешь внимания на холодный пот, что течет у тебя меж лопаток, и на то, как начинают мелко дрожать пальцы от постепенно усиливающейся беспричинной жути. А может, и есть причина. Например, потому, что Первый-то закончился почти и впереди Второй. Небольшой совсем, ограниченный узкими пешеходными улочками. Не квартал, а так, название одно, всего-то шесть домов. А за ними – Третий. Тот самый, откуда после Посещения еще никто не вернулся.

Шухарт вздохнул. Эх, сейчас бы коньячку. Потом закурить – и нормально. Но ни того, ни другого с собой не было. Сбросил сталкер рюкзак еще до того, как через Кордон пошел, с капралом Джеком Монтгомери знакомиться. Потому

что знал – если бежать придется, то делать это надо будет очень быстро. В таком деле любой лишний фунт – обуза, которая может стоить жизни. А жизнь своя Шухарту была сейчас очень нужна. Потому что мертвым он уже точно своим не поможет.

Ну, вот и Второй. Типовые дома, облезлые, словно коша-чьи трупы недельной давности. И дорога впереди, меж дома-ми просматривается. Уже отсюда видать, что ни камешка на ней, ни увядшего листика, будто ее только что с шампунем помыли. А с другой стороны – аккуратные такие кучки цвет-ного мусора, которые будто дворник сложил, утоптал хоро-шенько, чтоб ветром не разнесло, а убрать не успел. Короче, не просто дорога, а словно невидимая граница, отделяющая нормальную Зону с ее смертоносными, но знакомыми сюр-призами от неизведанной жути, которая от того и страшнее в разы, что не знаешь, чего от нее ожидать...

В другое время Шухарт обошел бы подозрительный уча-сток по широченной дуге. Но сейчас было не до обходов. По-тому что время не другое, а самое что ни на есть настоящее, и его в обрез. Потому что там, за спиной, начальство морпехов уже в курсе, кто это заявился в Зону, миновав все три линии заграждения так, словно их и не было. И лучше даже не думать, что люди в погонах с орлами и звездами предпри-мут по этому поводу.

Стало быть, оставалось выбросить из головы всякую чушь – и вообще перестать думать. В таких ситуациях это самое

лучшее. Тело, давно ставшее частью Зоны, само лучше знает, что делать. А значит, не надо отвлекать его вялыми потугами мозга выдать правильное решение. Оно и без него разберется, что ему делать. Да так разберется, что порой бывалые сталкерюги, вернувшись, тупо хлещут в «Боржче» коньяк стаканами, чтоб удивление и ужас залить хоть немного. Ведь это страшно – знать, что твое тело умеет намного больше, чем ты мог бы от него ожидать. Правда, не каждый может так слиться с Зоной, так почувствовать ее. И у Шухарта далеко не всегда оно получалось. Но сейчас он очень сильно хотел, чтоб получилось...

Рэд сделал маленький шажок вперед – и замер на газоне, не дойдя до дороги каких-то пару футов. Потому что над стерильным асфальтом колыхнулось что-то. Марево едва заметное, если не приглядываться, как горячий воздух в полдень над железной крышей. Сталкер видел такое лишь однажды, в тот памятный день, когда за «полной пустышкой» с Кириллом ходили, упокой его Зона. Но тогда оно мимо прошло. А сейчас – нет. Видать, оголодало. Колыхнулось – и медленно так, осторожно поползло прямо к Шухарту. Остановится, словно приняхиваясь, и снова ползет. Не спеша, мол, куда ты денешься, родной?

Сталкер только сейчас осознал, что на обочине, на другой стороне дороги не просто кучки спрессованного мусора лежат. Одежда это выцветшая, местами пересыпанная желтой массой, которая получается, если перемолоть в пыль сухие

кости, а потом утрамбовать их чем-то очень тяжелым.

– Вот оно как, значит, – пробормотал Шухарт, зачем-то стягивая с себя куртку и обматывая ее вокруг головы. – Вот оно как...

Быстрыми, расчетливыми движениями Рэдрик паковал собственную голову, где-то краем сознания понимая, что не он это сейчас делает, а тело его, опасность чуя, что-то свое мутит, одному ему понятное. И на колени не он осторожно становится, и ничком ложится не он, зажимая руками уши и зарываясь лицом в землю так, что дышать невозможно. От Шухарта в теле этом практически вообще ничего не осталось, крошка какая-то, которая только и способна сейчас, что удивляться и ни хрена не понимать в происходящем.

А потом он услышал рокот. Тихий такой, будто мотор хорошей машины урчит на малых оборотах. И почти сразу громче заревело. И еще громче, так, что земля задрожала, словно в ужасе, и зубы в деснах вибрировать начали, того и гляди повываливаются.

Сталкер зажимал уши и вдавливал лицо в землю все глубже и глубже. Потому что знал откуда-то – иначе нельзя. Иначе плохо будет, очень плохо. Хуже, чем просто в «жаре» сгореть или в «комариной плеши» расплющиться. И то, и другое происходит относительно быстро. А тут будет медленно и мучительно, пока ты не станешь еще одной спрессованной кучкой мусора на обочине.

Тело не подвело. Если б голову курткой не обмотал, ды-

шать не получилось бы, рот мгновенно песком и глиной забился. А так как-то перетерпел. И, похоже, если б только ладонями уши зажал, не помогло бы – как не спасло оно тех, кто в первые дни Посещения ослепли напрочь, услышав сильнейший грохот.

– Так вот ты какой, «слепой гром», – сказал Шухарт, вставая на ноги и разматывая с головы куртку.

Марево над дорогой не ответило. Не до того ему было. Сдулось оно, почти прозрачным стало. Всё на грохот изошло, еле ползет. Причем в сторону, подальше от несостоявшейся жертвы.

Самое время.

Шухарт быстро пересек дорогу. Даже гайки не бросал, не до гаек. Это называется – сейчас или никогда. Перешагнул пеструю кучу тряпья с обломком ребра, торчащим из нее, и еще футов тридцать напрямую прошел, до темной, растрескавшейся скамеечки. Вроде не новая, того и гляди развалится. Стало быть, есть шанс, что твоя задница не превратится в кисель и не поджарится, если ты на нее присядешь. А присесть надо, потому что уже не только руки трясутся, но и колени подкашиваются. Нервы. Тяжко оно в Зоне без выпивки и курева.

Шухарт аккуратно присел на край скамейки, торчащей возле подъезда. Вроде нормально. Снова отпустила Зона-злодейка, снова помиловала. Знал бы как, молился б ей в такие минуты, как дикарь какому-нибудь своему могуще-

ственному духу-покровителю. А так только мысленно поблагодарить можно. Кого? А бес его знает кого. Зону. И этим все сказано.

Руки и колени отпускать понемногу начало. Это хорошо. Значит, скоро можно будет дальше идти. Еще немного только посидеть, подумать о чем-нибудь хорошем. Например, о том, как здорово было бы, когда всё закончится, прийти в «Боржч», заказать себе коньяка сразу на шесть пальцев, чтоб два раза к стойке не бегать, и запустить на полную катушку старый музыкальный автомат с той самой песней, которую после Зоны можно крутить не переставая...

Здесь, в Зоне, жизнь страшнее, чем в аду,
Ну а находки хуже, чем потери...
Но если ты с законом не в ладу,
Тебе сюда всегда открыты двери.
Не возвращайся, коль никто не ждет,
Свободой наслаждайся в полной мере,
Останься здесь, не прерывай полет,
Не возвращайся, если не уверен.

Не возвращайся, коль не убежден,
Что нужен ты кому-то за кордоном,
Что свет в окне обратно приведет
Тебя в ночи к крыльцу родного дома.

Забудь о счастье, это не для всех,
На всех не хватит Ниццы и Парижа,
И в Зоне догнивают кости тех,
Кто был когда-то на нее обижен.

Отсюда, сталкер, нет пути назад
Тому, кто ни во что уже не верит...
Ты лучше не оглядывайся, брат,
Не возвращайся, если не уверен².

Насчет не оглядываться – это автор песни в самую точку подметил. Плохая это примета – в Зоне назад смотреть. Можно, например, самого себя в двух шагах увидеть и моментом с катушек соскочить. Или еще что похуже.

Кстати, на одном месте долго сидеть тоже не рекомендуется. Поэтому Шухарт встал и швырнул гайку далеко вдоль улицы. Посмотрел, как она прошла – свободно, будто и не в Зоне бросил ее, а на нормальной земле, – и пошел себе по Третьему кварталу, мимо ржавых автомобилей, напоминающих гнилые гробы, прямо к просвету между домами.

Туда, где начинался самый короткий путь к центру Зоны.

² Слова Дмитрия Силлова – кроме строчки «Не возвращайся, если не уверен», принадлежащей перу Аркадия и Бориса Стругацких (роман «Пикник на обочине»).

Глава 2

Машина желаний

Золотой Шар только сокровенные желания выполняет, только такие, что если не исполнится, то хоть в петлю!

Аркадий и Борис Стругацкие. «Пикник на обочине»

Короткий путь – не всегда самый лучший. Тема старая, известная. Да только в Зоне нет хороших путей, поэтому выбирай не выбирай, а все равно рано или поздно вляпаешься. Не в «ведьмин студень», так в дерьмо, причем по самые уши.

Рэд стоял посреди «контура», который замкнула «зеленка». Вроде ничего не предвещало беды, шел себе и шел, как обычно, не спеша, с гайками и предельной концентрацией – в этих местах иначе нельзя. Да только вот минуту назад обнаружил, что впереди него лежат себе на земле три больших пятна, практически слившихся между собою, а за кустами слева потрескивает что-то. Судя по звуку, «электроды», причем не один, а целое семейство. Справа – не просто канава, а «разрыв». Будто землю потянули в разные стороны и порвали, как гнилую тряпку. Вертолетчики говорили, что по обеим сторонам «разрывов» даже складки видны, похожие на вмятины от гигантских пальцев. И категорически не рекомендуется перепрыгивать эти трещины в земле. Потому

что приземлится на той стороне не человек, а высохшая му-
мия, которая тут же и рассыплется от удара об землю. «Раз-
рыв» всю жидкость из любого предмета вытягивает, который
над ним пролетает, правда, на высоте не более десяти футов.
Выше – хоть облетайся. На «галоше», например, эту анома-
лию запросто перепрыгнуть можно.

Но не было у Шухарта турбоплатформы, которую в Ин-
ституте прозвали «галошей» за форму, сходную с архаичной
обувкой. Вместо нее «зеленка» была. Сзади. Широкая такая,
как ковровая дорожка, которая к электрическому стулу ве-
дет...

А ведь только что шел себе вперед, и не было ничего.
Пятна впереди увидел едва заметные, застыл как вкопанный,
медленно так обернулся вопреки поверью – и вот она, по-
жалуйста. Притекла и разлеглась, намертво перекрыв выход
с «контура» аномалий. Слышал Шухарт про такое в «Борж-
че», да значения не придал. Уж больно фантастичным ка-
залось, чтоб человека аномалии заперли, как мышь в мы-
шеловке. Ан нет, фантастика оказалась реальностью. При-
чем жуткой. Потому что «зеленка» определенно двигалась.
К нему, сжимая сталкера, словно в тисках, толкая в слияние
трех еле заметных пятен.

Если не присматриваться, хрен их разглядишь на земле,
размытой дождями и припорошенной останками прошло-
годней листвы. Но цепкий взгляд сталкера приучен фикси-
ровать мелочи – такие, как еле уловимый запах гниющего

мяса и крохотные кусочки чьей-то полуразложившейся плоти. Черные, почти незаметные, практически уже ставшие частью жирной почвы, обильно удобряемой тремя «мясорубками», слившимися в одно целое...

«Да это же просто загон добычи, – пришла равнодушная мысль. – И разум тут ни при чем. Инфузории вон тоже охотятся на бактерий. Так что мешает аномалиям образовать взаимовыгодную экосистему?»

А «зеленка» между тем продолжала себе течь широкой полосой, медленно, напоминая нож гильотины, который какой-то безумный палач неизвестно зачем покрасил в защитный цвет и решил опустить медленно, неторопливо, между двумя направляющими – полосой «электродов» и «разрывом»...

Выбора не было. Куда ни кинь, везде смертушка. И оставалось лишь одно: выбрать. Можно в «зеленку» шагнуть и раствориться заживо. Выжившие инвалиды говорили, что это даже и не больно, когда она тебя переваривает. Кто-то успевал ногу отпилить, если этот текучий мох не особо большой был по размеру. Здесь же – без вариантов. Полоса шириной ярдов пять. Будешь перевариваться медленно и наблюдать за процессом, пока аномалия до сердца не доберется. И про такое тоже рассказывали...

В «электроде» умирать проще, но больнее. В какой попадешь. Если слабый, парализует молнией и поджаривать будет минуты две. Сильный секунд за тридцать справится. Че-

ловек только стонет тихонько до тех пор, пока легкие и голосовые связки не сгорят. На выходе остается от тела только скукожившаяся черная масса, над которой торжествующе потрескивает «электрод», слегка увеличившийся в размерах. В этом он на «мясорубку» похож. Та тоже растет за счет жертв, которые аномалия выкручивает, словно белье. Неаппетитное зрелище. Во все стороны кровь фонтаном из порванных артерий, а чуть позже, когда «мясорубка» начнет поглощать отжатую добычу, ошметки мяса вылетают из невидимого вихря...

Так что, если хорошо подумать, выбор очевиден. «Разрыв» все безболезненно, быстро и аккуратно сделает. Один прыжок – и всё. Менее чем за секунду от тебя лишь кучка пыли останется, даже испугаться не успеешь...

От этой мысли Шухарту аж полегчало на душе. Будто кто невидимый сказал: «Вот молодец, верное решение принял». То есть, конечно, слов никаких не было. Просто хорошо так стало внутри, благостно, светло... И «разрыв» уже кажется совсем не страшным, без этого мрачно-дурацкого налета сталкерских баек. Чистая, незамутненная смерть, без мучений, будто выключателем щелкнули. Опять же, жути этой не будет, червей, тряпок гниющих, костей пожелтевших. Развеет ветерок прах по Зоне, и все. Сталкеру, с ней сроднившемуся, самое лучшее посмертие...

Рэд улыбнулся. Сделал шаг, другой, стараясь при этом не упустить искорку малую в себе, уже всё решившем. Потому

что если погаснет она, это будет действительно всё...

Половина пути пройдена. Осталось сделать еще два шага, оттолкнуться ногами... Одно решительное движение, которое оставит позади все проблемы...

Желание сделать это было все более настойчивым. Мол, чего тянешь? Почему так медленно? Ну, давай же!

И Шухарт дал. Самому себе ладонью по щеке, да так, что в левом глазу звезды появились, а во рту солоно стало – внутреннюю сторону щеки об зубы разбил. Но как говорил один умный мужик в России, если где-то что-то прибыло, значит, где-то что-то убыло. Может, конечно, и наоборот, но суть от этого не меняется. Появились звезды и кровь во рту, зато исчезла ванильная благодать в душе... вместе с тремя из четырех аномалий. Тихо стало в Зоне. Ни треска «электродов», ни еле слышного гудения «мясорубок», ни зловещего шелеста «зеленки» по траве. Лишь легкое, укоризненное колебание воздуха над «разрывом», мол, что же ты, сталкер? А я так на тебя надеялся...

Шухарт сел на землю и зажмурился. Помнится, через «жару» легче идти было. Там вот ты, вот она. Все просто и понятно – или ты ее, или она тебя. Как в честной уличной драке один на один.

Здесь же другое. По-подлому, как «паутина», растянутая в углу. Когда человек для нее – тупая добыча, идущая на серебристое поблескивание нитей. Или как сейчас, на миражи и сладкие ментальные послы «разрыва».

– Каждый охотится как умеет, да? – хрипло проговорил Рэд. – Сволочь...

«Разрыв» не ответил, мигом потеряв интерес к слишком сложной добыче. Хотя мог, наверно, с досады долбануть по мозгам чем-нибудь потяжелее наведенных глюков. Но не стал, не снизошел. Наверно, не в кайф ему рефлексировать. Ему приятнее, чтоб жертва сама прыгнула в его лениво разъявленную пасть, тогда он, наверно, себя великим охотником считает и тащится с этого...

– Стоп, – сказал сам себе сталкер, после чего усиленно растер лицо жесткими ладонями, чтоб горело, чтоб ощущение реальности быстрее вернулось. – Стоп, Шухарт. Еще немного, и ты точно с катушек съедешь. Ты уже с аномалиями как с живыми разговариваешь. Так, глядишь, скоро они тебе отвечать начнут. И тогда всё, амба, приехали...

Разговаривать с самим собой всяко лучше, чем с жуткими порождениями Зоны. Этим почти каждый сталкер грешит, иначе от всего, что тебя здесь окружает, реально тронуться можно. Так что это нормально, да и чего с умным человеком не поговорить? Сталкерство вообще профессия неординарных одиночек, привыкших к смерти относиться как к старой подруге, к которой в гости зайти никогда не проблема. Позовет – значит, пойдем без проблем. Не позовет – ну, спасибо ей. Стало быть, еще Зону потопчем.

Правда, долго бубнить себе под нос тоже не дело. Можно что-то важное не услышать. Так что излил душу, нервишки,

как струна натянутые, успокоил маленько, можно и дальше в путь.

Проходя через место, где совсем недавно красноречиво лежали темные пятна, Рэд невольно поежился. Силен «разрыв», ничего не скажешь. А ведь об этих его свойствах никто раньше не знал. Потому что не удавалось никому из его ментальных тисков вырваться, погибали все. Получается, важное это свойство характера, когда давят на тебя со всех сторон, сохранить искорку собственного «я» и вовремя дать самому себе по морде – мол, не расслабляйся, мужик. Сталкер ты или где?

Между тем места вокруг были вообще незнакомые. Понятное дело. Из ходивших этим путем никто назад не вернулся, и о достопримечательностях рассказывать было некому. Пытались, конечно, отчаянные сорвиголовы прорваться в места нехоженые. Но ничего хорошего из этого не получалось. Вон «галоша» лежит институтская – вернее, то, что от нее осталось. Передняя часть сплющена в «комариной плеши» и размазана по ней в тонкую ржавую пленку. Задняя задралась торчком от страшного удара, да так и осталась торчать на границе аномалии, словно покосившийся надгробный памятник. Удачное сравнение, кстати. «Плешь» – то нехилых размеров. Значит, люди прям в нее с «галоши» и попадали. Положа руку на печень, хорошая смерть. Быстрая. Зона далеко не всегда такие роскошные подарки раздает тем, кто по ней рыскает.

Хоть и погано было без привычного допинга, но Рэд все-таки мысленно похвалил себя, что сигареты и фляжку с коньяком в боковое отделение рюкзака сунул, а гайки по карманам рассовал. Было б наоборот, дальше ста ярдов от «разрыва» не ушел бы. Уж больно аномалий много на пути оказалось. Прямо рассадник какой-то. Как возле Института, только погуще. Аж воздух гудит вокруг, да земля будто дышит тяжело под грузом порождений Зоны. А уж хабара всякого навалено вокруг – только собирай, как грибы по осени. «Булавками» вокруг прямо усыпано все, под подошвами хрустят. «Зуды» как шляпки подосиновиков из травы торчат. «Пустышки» валяются, как бутылки после хорошей пьянки, Рэд пока шел, семь штук насчитал. И даже одно «кольцо» заметил, за которое Хрипатый Хью двадцать тысяч «зелени» обещал. Но собирать все это счастье было некуда, да и не за этим Шухарт шел к центру Зоны.

Совсем не за этим.

Конечно, трепыхался где-то в глубине души сталкерский азарт, зудел возмущенно, словно комар в банке. Но Рэд мысленно прихлопнул кровопийцу – заткнись, мол, паскуда. Не будь тебя, глядишь, и не было б ничего. И ежу понятно: деньги, конечно, штука важная в жизни, но их и по-другому заработать можно, было б желание. А таскаться в Зону, рискуя здоровьем и жизнью, причем не только своим, но и тех, кто тебе дорог, в грязи и дерьме ковыряться, рискуя словить пулю или заразу неведомую, – это уже болезнь сродни нарко-

мании, которая только пулей и лечится.

Но сейчас это был не азарт. Другое. Лица своих, не отпускающие с того момента, как Шухарт стоял возле двери своей квартиры, впитывая всем существом своим запах дома, которого у него больше не было. И для того, чтобы вернуть его, нужно многое сделать. Намного больше того, на что способен обычный человек. Не сталкер...

Гайки шлепались на траву и даже порой оставались лежать там, как и положено маленьким кусочкам металла на Большой земле. Но чаще они взлетали вверх, плющились в неожиданно большие, неравномерные бублики, сгорали ярко-красным или бледно-синим пламенем. А порой и исчезали. Раз – и нет ее, будто в иное измерение провалилась. Может, и провалилась, заехав в лоб одному из уродов, который нагадил в Хармонте и свалил к себе домой, похмеляться синей дрянью из полной «пустышки» как мы пивом поутру после хорошей пьянки.

Хотя слабо верилось в эту версию, ох, слабо. Конечно, мы в Америке тоже умеем нехило погудеть, в России, судя по рассказам приехавших по обмену опытом, в этом плане вообще могут такое, что умом не понять, особенно по трезвости. Однако так нагадить в одном конкретном городе – это просто нереально. Это не пикник, твою мать, а свинство какое-то межпространственное, в душу их вонючую, паскудную, «этаком» в бога трахнутую пополам с «гравиконцентратом» в придачу.

«Ну сказанул», – пронеслось в голове Рэда. Случалось порой с ним, бывало иногда. Если сильно достанут, мог завернуть так, что потом повторить никому не удавалось, и ему самому в том числе. Без ругани да матюгов ни в Зоне, ни на войне прожить невозможно. Отдушина это для мужика, выброс плохой энергии, если хотите. Потому что когда вокруг смерть, то негатив, страх, боль в себе копить никак нельзя. В Зоне даже профессора институтские порой круче любого таксиста выдать могут. А обратно вернуться – снова интеллигентные люди, и не подумаешь, что эдакие слова знают...

В общем, помогло. Аномалии словно чувствуют, когда из человека накопившееся напряжение хлещет, словно лава из вулкана, и вроде даже в сторону отползают маленько. Хотя, конечно, много чего показаться может, когда на взводе. Но на этот раз повезло. Шухарт швырнул последнюю гайку, не особо уверенный, что она пролетит больше фута... Ан нет, ярдов на пять улетела и шлепнулась в лужу. Не в одноименную аномалию, а в обычную лужу, оставшуюся после недавнего дождя.

Не особо веря собственным глазам, Рэд бочком протиснулся через невидимые границы двух «комариных плешей», быстро прошел по краю нехилой «жары», отделавшись лишь слегка обуглившимся рукавом куртки, – и вышел на открытое пространство. Пояс аномалий остался позади, а прямо перед сталкером, шагах в двадцати, был край обрыва. Вернее, знакомого карьера. Вон на кусте даже треснувшая обо-

лочка аэростата все еще висит, там, где Шухарт ее оставил после того, как выбрался со дна глубокой искусственной ямы.

Рэд подошел ближе. Ну да, все то же самое, ничего не поменялось. Карьер, внизу красный экскаватор с пятнами ржавчины на крыше, подле него жирные, черные пятна, какие обычно оставляет обильно, хорошо так позавтракавшая «мясорубка». Только в Зоне это дерьмо аномальное потихоньку в землю впитывается, да и сама «мясорубка» прибирает за собой, маскируется, как хороший охотник, так что через недельку от пятна почти ничего не остается. Только опытный сталкер разглядит, что земля на месте аномалии маленько темнее, чем ей положено быть, и сделает выводы.

Здесь же все было очевидно. Черные кляксы не впитывались в камень, а маскироваться эта «мясорубка», обосновавшаяся на дне карьера, не считала нужным. На кой ей напрягаться, когда позади нее лежит самый желанный артефакт Зоны? Сиди себе тихонечко да собирай дань с умных сталкеров. Тех, что приводят с собой глупых «отмычек» и человеческими жизнями исправно платят дань за проход к своему счастью. Аномалия даже этих умных обратно пропускала, хотя запросто могла отжать и их тоже. Только зачем? Сегодня отожмешь кормильца, а завтра голодной будешь сидеть. Интересно, а сколько у нее было таких тайных кормильцев в Хармонте? Вряд ли один Барбридж. Уж больно много черных пятен разбросано по дну этой огромной могилы...

– Молодец, сталкер, – раздалось за спиной Шухарта. – «Отмычка» из тебя просто зашибись.

Рэд медленно обернулся.

Позади него стоял молодой мужчина с запоминающейся внешностью. Загорелое лицо. Тяжелый, волевой подбородок. Прямой «греческий» нос, переходящий в лоб практически без намека на переносицу. Глубоко посаженные, внимательные глаза. Широкие плечи атлета. Ему б работать моделью для скульпторов, высекающих в мраморе античных героев, а не по Зоне шататься. Хотя моделью столько не зарабатываешь. На Динку точно не хватит, с ее-то запросами.

– Это ты что-то попутал, Креон, – ровно произнес Рэд. – Сроду я в «отмычках» не ходил. А вот выследил ты меня отменно, моя школа. Поди, след в след шел.

– Точно, – кивнул Мальтиец. При этом взгляд Креона не сместился в сторону ни на дюйм, как и ствол его «кольта», смотрящего прямо в живот Шухарту.

– Неплохой загар, – отметил Рэд. – Никак на родину отдохнуть съездил? И как оно там, на Мальте?

– Хрен его знает, как оно на Мальте, – краем рта криво усмехнулся сталкер. – Я там уже лет десять не был. И ты мне зубы не заговаривай, я тебе не Барбридж. Шаг ко мне сделаешь, получишь пулю в живот.

– Мне не привыкать, – в ответ хмыкнул Шухарт.

Страху не было. Осознание опасности, да, присутствовало. Но не более. Глупо бояться неизбежного, того, что ра-

но или поздно случится с каждым. Вот только помирать Рэд сегодня не собирался. Иначе кто ж его семье-то поможет? Правильно, никто. Ну и вот.

Правда, пока что вариантов не было. Помимо пистолета в руке, у Мальтийца был еще один аргумент в его пользу. Научный спецкостюм последней модели, напичканный умной электроникой, который тысяч на тридцать зелени запросто потянет, а то и больше. Это серебристое чудо техники плотно и естественно облегало фигуру, вообще не стесняя движений. Первые модели «пожарного» цвета тоже ничего были, но это – сразу видно, шедевр научной мысли. И забрало пуленепробиваемое Креон опустить не забыл, так что с кастетом на него кидаться – дохлый номер. А ведь не наврал тогда Мальтиец, реально к спецкостюмам доступ где-то нарыл. Вот уж не думалось, что сопляк в пестром шарфе вырастет в эдакого волчару.

– Значит, так, – сказал Креон, снимая с плеча толстый моток альпинистской динамической веревки. – Сейчас тыкрепишь один конец шнура здесь, пропускаешь его через «восьмерку», потом спускаешься вниз и привязываешь другой конец к рукояти экскаваторного ковша. И все, больше от тебя ничего не требуется. Потом вместе из карьера вылезем и разойдемся как в море корабли.

К ногам Рэда упала цветная веревка, молоток, пара длинных костылей и металлическая загогулинка.

– Только молотком в меня кидаться не надо, ладно? – про-

изнес Мальтиец. – В брюхо тебе стрелять я, так и быть, не буду, но ступню точно продырявлю для начала. Будешь трепыхаться и дальше – вторую ласту покалечу. Костыли забивать да узлы вязать и на коленях можно.

Шухарт прикинул – ну да, пожалуй, такая веревка вполне выдержит вес человека в легком спецкостюме. Вишь, сволочь, через «восьмерку» ему пропускать, альпинист хренов. Было б о чем говорить. Тут высота-то футов двадцать пять, не больше, классическим дюльфером спуститься можно за просто.

– Пошевеливайся, Рыжий, – качнул стволом «кольта» Мальтиец. – Я тут до вечера торчать не намерен.

«Да уж, – подумал Рэд. – Реально крепкую мы вырастили молодежь, выносливую и упорную в своих намерениях».

– Не называй меня Рыжим, не люблю, – сказал Шухарт, неторопливо поднимая молоток с костылем.

– А мне наплевать, что ты любишь, а что нет, – окрысился Креон. – Я, например, никогда не забуду, как ты меня с собой брать брезговал. Мол, приперся молокосос не пойми откуда и в легенды Зоны рвется.

– Не стоит поминать ее всуе, – произнес Рэд, становясь на одно колено и примериваясь, куда лучше забить длинную железяку. – Отомстить может.

– Во-во, именно так! – взорвался, стервенея, Мальтиец. – Все эти годы мне в вашем вонючем Хармонте тыкали: то не делай, этого не делай, туда не ходи, этого не говори. А теперь

я вам всем говорить буду, что делать. И хрен кто ослушается, а не то...

Он еще что-то выкрикивал, забрызгивая слюнями забрало шлема изнутри, а Шухарт слушал, нанося один за другим точные, сильные удары по костылю. Креона, что называется, несло. Бывает такое в Зоне. Ни с того ни с сего прорывается у человека словесный понос. Обычно такое с новичками происходит, которые Зоны как огня боятся, но все равно лезут, как мотыльки на огонь. Но порой и опытного сталкера может накрыть, когда он невзначай над собой контроль потеряет. Вот тут его Зона и ловит, словно карася на крючок, и начинает раскручивать на болтовню, водить кругами, чтоб еще глубже заглотил наживку, чтоб язык не успевал мысли перемалывать, которых вдруг словно водопад в башке образуется и которые нужно непременно проговорить. Потому как страшно, очень страшно, что все это невыболтанное в тебе останется. Кажется, что сейчас разорвет тебя от собственных слов, стремительно прибывающих, которых все больше и больше становится. Умом понимаешь, что бред это собачий, а ничего с собой поделать не можешь.

Шухарт знал, что это такое, сам попервоначально пару раз прошел через «болтовню». Это не особо опасно, когда рядом есть кто-то, кто может треснуть тебе по башке хорошенько, так, чтоб, например, разговорившийся сталкер мордой об пуленепробиваемое забрало шлема конкретно приложился, до синего носа и красных соплей. Тогда «болтовня» и про-

ходит тут же, на манер икоты.

Но это если рядом есть тот, кто хочет помочь...

Мальтиец выронил пистолет и упал на колени, схватившись руками за горло. Знакомый симптом. Человек говорит все быстрее, а воздуха не хватает, и он начинает задыхаться. Внутри костюма что-то загудело слегка – не иначе умная система, почуяв перерасход кислорода, принялась усердно его нагнетать. Да только не поможет, когда человек сам из себя его принудительно выталкивает, а вдыхать забывает.

Креон уже не говорил – хрипел, валяясь на боку и судорожно дергая ногами. Шухарт же забил костыль, придиричиво осмотрел свою работу, положил рядом молоток и, поднявшись на ноги, подошел к Мальтийцу.

Тот лежал на боку в позе эмбриона, продолжая сжимать руками горло. На шлеме, рядом с забралом, тревожно мигала красная точка. Знакомый индикатор. В старых костюмах такой же был, только зеленый – на «пожарном» фоне так заметнее. Но смысл один. Сейчас у сталкера просто потеря сознания на фоне гипоксии, но легкие рефлекторно продолжают отторгать воздух. Так что через минуту, от силы две, светодиод просто потухнет...

– Я ж говорил, не стоит ее все поминать, – сказал Рэд, подбирая «кольт» и засовывая его себе за пояс. – Особенно когда ты – в ней, а она – в тебе.

После чего резко, со всей силы долбанул носком подкованного ботинка в стекло шлема.

Мальтийца от страшного удара аж разогнуло. Что и требовалось, иначе из-за его локтей, сведенных судорогой, до самой главной кнопки не добраться. Той, что находится справа, под нагрудником, собранным из невесомых полимерных бронепластин. Там колпачок должен быть, незаметный такой, из многослойного стекла. Если не знать, нипочем не найдешь. Вряд ли в этом отношении у новой модели что-то изменилось, уж больно удобная конструкция.

Не изменилось. Рэд сдвинул защитную крышечку, нажал на кнопку – и костюм, разойдясь по основным швам, сполз с Мальтийца, как кожа с давно сдохшей змеи.

Но Креон был живой, только без сознания. Удар Шухарта прервал процесс, запущенный Зоной, и теперь у Мальтийца был шанс. Правда, затылком он нехило приложился об заднюю стенку шлема, так что коматоз ему обеспечен надолго.

Рэд безглаголиво протер внутреннюю часть шлема, даже коньяка не пожалел, плеснул немного из фляги, найденной в кармане Креона. Правда, без фанатизма. Гигиена, конечно, дело хорошее, но переводить ради нее ценный продукт – это почти святотатство. Поэтому, ограничившись необходимым минимумом, Шухарт с наслаждением глотнул трофейного напитка, закурил трофейную сигарету – и понял, что жизнь налаживается. И продолжается, несмотря ни на что.

Сноровка, приобретенная в Институте, никуда не делась – в спецкостюм Рэд облачился за полторы минуты, натянув его прямо поверх одежды и почти уложившись в норматив.

Умная конструкция предусматривала два способа ношения – и в одежде, и на голое тело. Второй хорош для ученого. Сбросил на пол последнее достижение науки и пошел себе в душ. Оно, конечно, удобнее – так вообще не чувствуется, что на тебе что-то надето. Но когда не знаешь, где и как придется снимать это чудо инженерной мысли, лучше, конечно, способ номер один. Комфорта поменьше, зато практичнее – собственное барахло не придется в рюкзаке таскать.

Рюкзак, кстати, у хозяйственного Мальтийца имелся, причем со всем необходимым. Поэтому, прежде чем приступить к дальнейшим действиям, Шухарт умял саморазогревающуюся банку каши с тушенкой, запил это дело консервированным апельсиновым соком, ругнул про себя Креона (на кой тащить с собой в Зону такую ядреную химию? Лучше б воды и коньяка побольше захватил или кофе в термосе, на худой конец) и приступил к осуществлению своего плана, который сложился у него в голове еще в вестибюле Института. Как треснул кастетом в челюсть гвардейца, так будто что шелкнуло под черепушкой. словно просветление накрыло. Бывает такое – дашь человеку по морде от души и будто к вселенской мудрости приобщись.

Только на мгновение призадумался Рэд насчет того, что с Мальтийцем делать после того, как связал ему руки куском динамической веревки, отрезанным от мотка его же ножом. Здесь оставлять нельзя. Обратно из центра Зоны ему в одиночку не выбраться. К тому же прийти в себя не вовремя и

напаскудить от злости Мальтиец может запросто. Например, пока Рэд будет внизу, просто отвязать веревку.

— Ну что ж, Креон, — вздохнул Шухарт. — Ты хотел попасть к Золотому Шару? Ты к нему попадешь.

Конечно, сталкеры не альпинисты, которые круглый год ползают по Болдер-пику или спускаются в Змеиное ущелье, рискуя свернуть себе шею. Но каждый из них знает, как пользоваться «лесенками», «решетками», «гри-гри», «восьмерками»... Причем не одноименными артефактами, а хитрыми специальными штуками для скоростного спуска с крутого обрыва или окна высотного здания, которых в Хармонте немало понастроили в последнее время. Шухарту разок пришлось так уходить от полиции — знакомый альпинист подсказал. И, к удивлению Рэдрика, все получилось, поэтому впоследствии он это дело изучил досконально.

Костыль в едва заметную щель меж каменными глыбами Рэд вбил добросовестно. Решив, что вес двоих он выдержит запросто, Шухарт привязал к нему веревку, пропустил ее через шейку «восьмерки», после чего зафиксировал рюкзак на спине Мальтийца, кряхтя, закинул связанные руки Креона себе на шею и, плюнув три раза прямо перед собой (через плечо нельзя, Зона не поймет), приступил к спуску.

Конечно, высота не ахти какая, но, тем не менее, гробануться с нее вниз даже в спецкостюме перспектива малопривлекательная. Поэтому Рэд медленно перебирал веревку, контролируя каждый свой шаг по отвесной стене. Если б сзади до-

полнительный груз не болтался, ничто не мешало бы в разы быстрее спуститься. И решить проблему можно было проще простого – столкнуть Мальтийца вниз, пока он в отключке, и одним представителем крепкой, выносливой и упорной молодежи меньше. Никто и не почешется, Зона все спишет. Но Шухарт выбрал другой вариант, и поэтому сейчас внутри костюма недовольно гудел встроенный кондиционер, работая на предельных оборотах.

До дна карьера оставалось футов десять, не больше, когда Рэд почувствовал, что его шею начинают сжимать тиски.

«Твою мать... как же не вовремя!»

Мальтиец, похоже, пришел в себя. И вместо того, чтобы дожидаться окончания спуска, решил взять реванш прямо здесь и сейчас. Идиот...

Додумать мысль Шухарт не успел. Явно желая сломать шею благодетелю, Креон рванулся со всей силы... и Рэд почувствовал, как мгновенно ослабло натяжение веревки.

«От рывка костыль вылетел...»

Шухарт не ошибся.

Свободное падение продолжалось недолго, да и удар получился не особо сильным. Самортизировали рюкзак, Мальтиец и костюм, рассчитанный на куда более существенные нагрузки. Правда, головой о шлем Рэд приложился, хоть и пытался прижать подбородок к груди, как учили. Старые-то шлемы посвободнее были, хоть и с электроникой в них было попроще. Вот и думай, что лучше – старые, добрые, прове-

ренные костюмы или новомодные достижения науки.

Хотя в старом костюме от такого рывка, как пить дать, шея была б свернута набок. А так амортизаторы, мерзко взвыв, смягчили попытку пришедшего в себя Мальтийца отплатить добром за добро. В голове Шухарта слегка гудело от удара, но он все-таки отметил сноровку противника.

Благодаря объемистому рюкзаку Креон от удара не пострадал. Более того, сразу после падения мощно рванулся, сбросив с себя Рэда вместе с его доспехами. И где он так успел накачаться за эти годы? Хотя, говорят, стероиды и некоторые правильно подобранные артефакты способны за очень короткое время сделать из хлюпика настоящего Халка. В некоторых случаях, кстати, реально зеленого. Или синюшного, это уж как получится.

Был бы спецкостюм надет на голое тело, Шухарт перекатился бы на бок и из переката запросто встал на ноги. Но в одежде все оказалось сложнее. Рэд грохнулся на бок и почти тут же почувствовал, как костюм стекает с него, словно густой гель для душа под струями горячей воды. Молодец, Креон, оперативно сработал. Моментально скинул с себя рюкзак, подскочил, нащупал кнопку и, пока Шухарт барахтался в сползающем костюме, как рыба в сети, выдернул Ка-Вар из ножен, закрепленных у Рэда на бедре.

Шухарт попытался дотянуться до пистолета, но Мальтиец точным и мощным ударом ноги выбил его, да так, что тяжелый «кольт», вращаясь, улетел куда-то вверх, за огромную

каменную глыбу, перегораживающую выход из карьера.

«Ай, молодец, подонок!» – только и успел восхититься Рэд, как раз перед тем, как второй удар с ноги в челюсть, под забрало шлема, заставил его отлететь к каменной стене. Шлем, сбитый ударом ноги, покатился по дну карьера, гремя, словно пустая консервная банка.

И тут Креон совершил ошибку. Вместо того, чтобы броситься к поверженному сталкеру и добить его ножом, он перевернул Ка-Ваг лезвием вверх и принялся перерезать пути на запястьях. С учетом того, что вязал его Шухарт узлом типа «браслеты», это оказалось вполне возможным. Эх, знал бы заранее, что пленник так быстро очнется, вязал бы «удавкой» и горя б не знал. Хотя как посмотреть – глядишь, с «удавкой» Мальтиец как раз бы дорезать благодетеля кинулся, что ну совсем ни в какие ворота.

Все это Рэд додумывал, пытаясь сфокусировать зрение после удара и одновременно непослушными пальцами растягивая клапан кармана куртки. Пистолеты и ножи дело хорошее, но кастет, простой как правда и надежный как конституция Соединенных Штатов, порой в драке оказывается более весомым аргументом, чем самое навороченное оружие.

– «Мясорубке» меня решил скормить, гад? – хрипел Мальтиец, перерезая последние волокна крепкой веревки. – В аномалию отправить, чтоб желание загадать и потом отсюда выбраться? Да я тебя сам туда определяю, плесень хар-

монтская!

В тесном пространстве против человека, хорошо умеющего работать ножом, ловить нечего. Даже пистолет достать не успеешь, если таковой имеется в наличии. Пока за ним тянуться будешь, продвинутый ножевик подскочит, полоснет сначала по локтевому сгибу, перерезая сухожилия и обездвигивая руку, а потом продолжит на свое усмотрение. Если по жизни человек добрый, то просто воткнет нож в сердце, повернет клинок в ране туда-сюда, а потом глаза мертвецу закроет, в которых застыло удивление от столь скорой смерти. Ну, а если злой, может по горлу полоснуть не особо глубоко и понаблюдать, как человек зажимает трахею руками, захлебываясь собственной кровью, попадающей в легкие. Или, если еще он вдобавок и маньяк, «припавший на кровь», например, обездвижит полностью, воткнув нож меж шейных позвонков, а после начнет развлекаться в меру своей фантазии, выкалывая глаза, отрезая пальцы и другие органы – не спеша, обстоятельно, растягивая удовольствие.

Шухарт знал таких подонков, и выяснять, добрый Мальтиец или злой, ему не хотелось решительно. Поэтому он мотнул головой, застонал невольно от боли в челюсти и вскочил на ноги, до рези в ладони сжимая стальной кастет.

Креон наконец справился с веревкой и ринулся на противника, занося над головой нож для сокрушительного удара.

«А хреново у вас там, на Мальте, с уличными драками», – промелькнуло в голове Шухарта. Тот, кто вырос в американ-

ских кварталах для бедноты, никогда не будет заранее «светить» удар, выдавая свои намерения. Местная шпана самодельными заточками тихо и незаметно может наделать гораздо больше бед, чем приезжий ловец удачи своим дорогим Ка-Ваг'ом. А за неимением лучшего и утяжеленным кулаком отработает за милую душу...

Такие вот мысли с невероятной скоростью прокрутились в голове Рэда, пока на него неся Креон, ревя как раненый буйвол. Это нормальная практика, думать такое в бою, отгоняя страх. Иначе нельзя. Иначе можно поддаться тому страху, и тогда все. Тогда ты сто процентов всегда и везде, что в драке, что по жизни окажешься в «мясорубке». И в прямом, и в переносном смысле...

Шухарт стоял на месте не двигаясь, лишь немного руки в локтях согнул, да щека слегка подергивалась. Это ничего, это нервы, впрочем, как и всегда в подобных ситуациях. Своеобразный индикатор того, что ты еще человек, а не биологическая машина для добывания артефактов и убийства себе подобных.

Впрочем, Мальтийца Рэд убивать не хотел. Несмотря на то, что тот был явно не прочь зарезать его. И не из-за благородства показного, книжного, в жизни нереального, а исключительно по одной-единственной причине. Не рванись Креон и не вылетит костыль из щели от этого рывка, возможны бы варианты. А так их просто не было. Прав был Мальтиец, тысячу раз прав. Теперь из карьера сможет вый-

ти только один, пока «мясорубка» будет переваривать свой обед. Только вот некоторые аномалии, словно дионеи, предпочитают живую добычу. И Шухарт не мог рисковать.

Креону же было наплевать на гастрономические предпочтения «мясорубки», маячившей за его спиной, словно столб едва заметного марева, немного искажающего пейзаж. Ему важно отомстить сейчас, а что будет дальше – это будет потом. Распространенная ошибка, за которую очень часто приходится расплачиваться, причем плохо и больно.

Рука, сжимающая Ка-Бар, начала стремительно опускаться. Острие ножа было ориентировано правильно, в точку меж шеей и ключицей. Да только цели своей удар не достиг.

Шухарт шагнул вперед, вскидывая вверх левую руку и отводя удар в сторону, а правой одновременно отвешивая классический апперкот прямо в тяжелый, волевой подбородок – отличную мишень, в которую грех промахнуться.

Голова Мальтийца резко запрокинулась назад, после чего на камни безвольно рухнуло мускулистое тело, накачанное стероидами и облученное артефактами.

Рэд судорожно вздохнул.

– И всё. И никаких, – сказал он.

Потом подобрал защитный костюм, надел его обратно и, не закрывая забрало шлема, устало сел прямо на неровный камень, прислонившись спиной к отвесной стене карьера. Щеку неприятно дергало, и сталкер приложил к ней ледяную ладонь. Пара минут – и отпустит, проверено.

Мальтиец лежал неподвижно. Его правая рука все еще судорожно сжимала нож, а левая была неестественно откинута назад, словно сама, независимо от тела, пыталась дотянуться скрюченными пальцами до Золотого Шара.

Он лежал на том же месте. Не грязно-серый, тусклый, похожий на большую и ненужную стальную заготовку, а вновь медно-красноватый, мутно отсвечивающий на солнце. На него снова было приятно смотреть, снова хотелось подойти и потрогать, погладить, ощутить пальцами силу этой непонятной массивной игрушки, забытой здесь то ли пришельцами, то ли безвестными сумасшедшими гениями, запутавшимися в своих желаниях.

Шухарт медленно подошел к Машине желаний и остановился в шаге от нее, вглядываясь в идеально гладкую поверхность, словно в кривое зеркало, будто надеясь отыскать в нем разгадку, ответ на свои вопросы, незаданные потому, что Рэд и сам не знал, о чем спрашивать. И о чем просить эту большую заготовку для компактной волшебной лампы, которую так просто было бы вынести из Зоны, он тоже не знал. Потому что любую просьбу она или просто не исполнит, или все же выполнит, но так, как сама сочтет нужным, исковеркав ее, изменив на свой лад, согласно своей нечеловеческой логике. Опасная, страшная игрушка, за проход к которой так или иначе нужно отдать чью-то жизнь. Артура Барбриджа например, которого он, Шухарт, хладнокровно скормил

«мясорубке». Словно цыпленка бросил в пасть волкодаву, чтоб беспрепятственно пройти мимо красно-ржавой будки экскаватора. Или вон Мальтийца, который еще дышит, а значит, вполне подойдет в качестве аналогичной жертвы для того, чтобы выйти отсюда. Простая плата за счастье – чужая жизнь. Хочешь для себя одного, а хочешь – и для всех тех, кто имел несчастье быть знакомым с рыжим сталкером Рэдом Шухартом.

Когда-то, вроде бы совсем недавно, ему хотелось сесть рядом с этим артефактом, излучающим спокойную силу, доверчиво повернуться к нему спиной, прислониться, положить затылок на тусклую, гладкую поверхность, закрыть глаза, подумать, повспоминать о прошлом, а может, просто подремать, отдыхая... Странные желания, наверняка наведенные уникальным артефактом, жутким и коварным, как сама Зона. Не поворачиваются спиной к опасности, вспоминая о том, как рядом с ней невинного, глупого парня медленно скрутила жгутом «мясорубка». Потому что не вспомнится здесь о другом, и лишь один отдых возможен в этом карьере – вечный, в качестве черной, жирной кляксы, оставшейся после пиршества аномалии...

Рэд медленно опустился на колени, не отрывая взгляда от поверхности Машины желаний. И заговорил. Может, вслух, а может, про себя, сначала медленно, а потом все быстрее, торопясь, что не сможет сказать всего, что не хватит слов, что кончатся они раньше, чем он успеет донести свою мысль

до этой матовой, равнодушной мерзости, играющей с живыми людьми, словно с бездушными куклами: «Слышишь, ты, всемогущий, всесильный, всепонимающий, разбирающийся в чужих душах, открывающий их запросто, словно консервы, и захлопывающий, как цинковые гробы! Я снова пришел к тебе, ты же ждал этого, верно? Ты знал, что я буду здесь просить тебя, умолять буду, хотя в жизни никогда не делал этого, ни перед кем не унижался. Ты знал, и вот я тут, перед тобой, на этот раз точно знающий, чего хочу, так хочу, как не хотел ничего раньше. Только об одном прошу, о единственном счастье для меня, и для всех тех, кого ты осчастливил, — **ВЕРНИ ВСЕ ОБРАТНО! И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ...**»

Он не успел договорить, а может, додумать или проорать в исступлении, брызгая слюнями на удивительно чистую медно-красную поверхность, на которой не было ни дождевых потеков, ни грязи, ни пылинки, словно все, что попадало на нее, всасывалось внутрь Машины желаний и растворялось в ней без следа, как живая кровь и плоть внутри «мясорубки». Он не успел, подавился недодуманными, невыкричанными словами — потому, что позади него раздался громкий хлопок, очень похожий на пистолетный выстрел.

Но пуля не ударила в затылок, выплеснув на Золотой Шар глаза и мозги сталкера, так неосторожного в чужих желаниях, — лишь странное, тихое потрескивание раздавалось за спиной, словно большой «электрод» подкрался незаметно и замер в нескольких шагах от потенциальной жертвы, разду-

мывая, с какого бока удобнее начать ее поджаривать.

Только «электроды» не ползают по Зоне и уж тем более не думают перед тем, как долбануть жертву длинным, смертоносным разрядом. Поэтому Шухарт медленно обернулся, готовый к любому повороту событий...

Но то, что он увидел, превзошло самые смелые его ожидания.

«Мясорубки» больше не было. А то, что находилось теперь на ее месте, было похоже на длинный разрез, словно кто-то острым ножом рубанул пространство сверху вниз – и оно разошлось в стороны, словно картина, изуродованная вандалом. По краям разреза пробегали лазурные молнии, раненое пространство дрожало, будто живое, грозя схлопнуться обратно, – но пока что сверкающие разряды не давали ему этого сделать, держа, словно электрические пальцы. Рэду показалось, что там, на другой стороне бытия мелькнули два чьих-то удивленных лица. И третье, перекошенное жуткой, неживой ненавистью. Мелькнули – и исчезли за стремительно сходящимися краями разреза.

А у подножия невиданной аномалии лицом вниз лежал человек, одетый в камуфляж странной расцветки. Рядом с ним валялись вещмешок и большая кожаная сумка, а под левой лопаткой у него торчал нож, всаженный в тело почти что по самую резную рукоять цвета слоновой кости.

Это было слишком даже для Зоны. Вернее, это было не в ее правилах. Выпадало из шаблона. Глупо, конечно, го-

ворить о правилах там, где правил просто нет. Но, тем не менее, у каждой аномалии, у каждого местного артефакта есть свои законы. «Комариные плечи» не летают по воздуху, словно «жгучий пух», а «браслеты», в отличие от «колец», не умеют крутиться на пальце без остановки. Что-то другое это было. Непонятное, необычное, но в то же время значимое, не случайное. Это Шухарт нутром почуял, особенно когда увидел, как корчится возле гусеницы экскаватора рассеченная вдоль «мясорубка», потерявшая маскировочную прозрачность, похожая на толстую, мясистую, уродливую трехметровую трубу, поставленную «на попа». Или гигантского червяка, обезглавленного, а после разрезанного вдоль. То, что умело рассекает границу между мирами, влежкую располовинило страшную аномалию.

Правда, длинный разрез на теле «мясорубки» затягивался на глазах. Аномалия быстро регенерировала, и уже на ней появились прозрачные нити, понемногу сплетающиеся в сетку. Ох, как напомнила Рэду эта невесомая сетка «серебряную паутину», убившую русского ученого Кирилла Панова! Так напомнила, что сталкер сам не понял, как оказался на ногах. Еще немного, совсем немного – и «мясорубка» полностью восстановится, намертво перекрыв выход из котлована! И тогда для окончательного выздоровления ей понадобится пища.

Много пищи. Наверняка больше, чем один сталкер...

Рэд бросился было к спасительному выходу, но тут его

что-то будто толкнуло изнутри. Он не раз задавал себе вопрос – зачем он тогда согласился на просьбы Артура Барбриджа взять его с собой в Зону? Зачем послал на верную смерть? Почему, в конце концов, не привязал веревку к его поясу и не попытался обмануть «мясорубку», выдернув парня в последний момент, как когда-то Стервятник вытащил Красавчика Диксона? Лишенная добычи, «мясорубка» обычно «подвисает» минут на десять, осознавая утрату, и может быть, у него, Шухарта, этот трюк получился бы лучше, и парень остался в живых, и даже, может быть, не превратился в калеку?

Но не было у сталкера ответа. Помнил, что злость тогда была на Стервятника, сволочь распоследнюю, который пальцем не шевельнул, чтоб поделеньника из тюрьмы вытащить, как в свое время тот вытащил старого хрыча из Зоны. Хотя мог, связей у Барбриджа и тогда было навалом, один телефонный звонок все бы решил. Ну, может, два звонка. На дочку Стервятника злость была, к которой тянуло порой, словно в «разрыв», против воли, и от которой уходил каждый раз опустошенный, словно «пустышка», причем во всех смыслах. Душа после таких посещений была как квартира в Чумном квартале – четыре облезлые стены, гнилой пол, потолок с потеками и слепое окно. И ничего более. Только одна мысль, один страх – Гуте в глаза посмотреть после всего. Страх, в котором Шухарт сам себе никогда бы не признался. И стыд, словно «жгучий пух» облепивший сердце.

А еще на таких вот юных сопляков злость была, которые сначала на коленях умоляют взять их с собой в Зону, а потом, после десятка удачных ходок (наперво всегда везет), снисходительно кивают тебе, словно равному: привет, старичок, как оно, ревматизм, на Ржавых Болотах заработанный, в Зону ходить еще позволяет?

Потом, возле Золотого Шара, злость прошла. Будто и не было ее. А взамен пришло осознание. Что взял он – и убил пацана глупого ни за что, даже не зная толком, какого лешего ему нужно-то от этой штуки, исполняющей желания. Тяжко таскать такое в себе, давит оно на душу, плющит ее и днем и ночью. Потом Шухарту тоже приходилось убивать, но то враги были, которые хотели забрать у сталкера его жизнь, а взамен отдали свою. Честный расклад, честная игра, где проигравший теряет все. Но это – совсем другое. Это не смерть безвинного на твоих руках, которую не смыть ничем. Ни слезами раскаяния, ни даже собственной кровью.

И тут его словно озарило. Искушение! Вот оно! Да, до регенерации «мясорубки» остались мгновения, но если ты попытался, значит, уже не прошел мимо! Может, если вытащить этого сталкера, пришедшего не пойми откуда, отпустит хоть немного?

Глупая мысль. Шухарт осознавал это, когда бросился к раненому и, схватив его за шиворот, попер, надрываясь, по дороге, ведущей обратно в Зону. Умом понимал, что с ножом, всаженным в сердце, не живут, но что-то внутри заставляло:

«Тащи! Надрывайся, сволочь, так, будто Арчи из аномалии вытаскиваешь! Его убил, так хоть этого парня, открывшего тебе выход из карьера, не отдай на съедение “мясорубке”!»

Наконец, впереди показался просевший на осях, облезлый автофургон, и Рэд остановился.

Всё.

Теперь аномалии не добраться ни до него, ни до этого пришлого. Осталось только одно: выкопать могилу, зарыть парня и сверху известную комбинацию из двух палок установить. Если будет что у него при себе, ну, там, маска фильтрующая в кармане найдется, можно будет на крест повесить, чтоб все знали – здесь сталкер лежит. Хотя кто еще может в Зоне лежать под самодельным крестом? Правильно, никто, но обычай есть обычай.

Рэд повернулся, взглянул на тело – и понял, почему ему так трудно было тащить этого парня. Лямки его вещмешка и ручки сумки были намотаны на запястья, и мертвец так и не разжал кулаки. Вот ведь, душа сталкерская! Даже умирая, со своим барахлом хрен расстанется.

Кстати, нож у него в спине торчал тоже достойный внимания. Тонкая работа, за такой при случае любой барыга сотню зеленых запросто даст.

Шухарт наклонился, взялся за резную рукоять – и вдруг заметил, что на грязной шее странного пришельца, прямо под ухом едва заметно бьется жилка.

– Вот, значит, как... – слегка растерянно проговорил Рэд.

Помнится, еще Фараон Банкер, когда живой был, рассказывал – типа, брехня это, что в книжках пишут, мол, ежели нож или пуля под левую лопатку, так это сразу смерть. Сердце-то слегка вправо смещено, может его и не задеть. И даже если заденет, скажем, узким ножом или штыком, человек тоже не мгновенно на тот свет отправляется. Порой до минуты живет запросто, еще при этом успевая завалить своего убийцу, словно быка на бойне.

Камуфляж на спине раненого насквозь промок, будто на него банку земляничного сока опрокинули, но жилка на шее трепыхнулась снова. Возле основания клинка стало чуть темнее от притока свежей крови. Понятно – еще несколько ударов умирающего сердца, и парень уйдет в лучший мир, тихо, мирно, не приходя в сознание, без боли и мучений. Хорошая смерть, каждому б такую.

Но Рэд уже расстегивал куртку и рубашку, под которой у него был надет широкий матерчатый пояс с карманами, в которых лежали особые контейнеры с уникальными артефактами, вывезенными из далекой Украины. Он лишь на мгновение замер в задумчивости: а вдруг средство от всех болезней и любых ран сработает в последний раз и окаменеет, больше не набрав силы? Сталкерские легенды говорили, что такое случалось, если сунуть его в труп, говорят, кто-то продал даже Хрипатому Хью недорого такую каменную кувшинку – бесполезную, в качестве настольного сувенира. И еще одна мысль промелькнула, но Шухарт решительно отогнал ее

в сторону. Любой сталкер верит в знаки, и случайно ли посреди «мясорубки» открылся портал, выплюнувший умирающего человека? Кто знает, может, Зона решила испытать его, Рэда, дать шанс на искупление?

В общем, дальше он действовал не думая. Схватился за костяную рукоять, выдернул окровавленный нож из спины умирающего, после чего с силой всадил «синюю панацею» в скользкую от крови рану, будто бил на поражение «плоской розочкой» – так в народе называют донышко разбитой бутылки с торчащими из него осколками. Умельцы, зажав такую штуку в ладони, резко втыкают ее в лицо или в незащищенное брюхо жертвы, а потом проворачивают «розочку», вырывая при этом из тела нехилый кусок плоти.

Рана от ножа была неширокой, поэтому Рэд почувствовал ладонью, как трещит и рвется ткань камуфляжа вместе с плотью раненого под острыми лепестками редчайшего артефакта. Неприятное ощущение. Но еще более омерзительно было чувствовать, как, почуяв свежую кровь, «панацея» ожила, зашевелилась, словно большой паук, и медленно, неторопливо поползла внутрь человеческого тела. Шухарт аж невольно вздрогнул, столько было инородного, нереального в этом движении, будто вдруг в твоей руке ожило каменное украшение с ирреальным синим светом внутри и, словно крыса, принялось прожирать себе дорогу в теплом мясе.

Но сталкер продолжал давить, пока не почувствовал, что артефакт полностью проник в рану. Тогда он отнял окровав-

ленную руку от неподвижного тела – и замер, потому как трудно было отвести взгляд от происходящего.

Внутри раненого разлилось синее пламя, пробиваясь наружу сквозь потемневшую от крови ткань камуфляжа, словно свет лампочки из-под торшерного абажура, сработанного из тонкой кожи. Шухарт аж глаза невольно прикрыл, но все равно на обратной стороне век яркое пятно осталось. Сталкер зажмурился сильнее и укусил себя за нижнюю губу – боль помогает быстрее вернуть нормальное зрение после светового удара по сетчатке. Кто ж знал, что оно так полыхнет. Правду говорили сталкерские байки – чем сильнее проблемы у больного, тем ярче горит «панацея» внутри его тела.

И тем выше вероятность того, что следующего пациента она не вылечит, а выжрет изнутри без остатка. Снайпер, помнится, на привале сказал, что после этого незадачливого кандидата на чудотворное исцеление можно сеном набивать и в угол ставить для красоты. Пустой он внутри, как барабан, нету ничего. Ни костей, ни клочка мяса. Одна шкура задубевшая, как новая кирза, и глаза остекленевшие, синим светом слегка поблескивающие изнутри. Откуда знает – непонятно, может, ему Орф успел чего рассказать. Конечно, вряд ли мутант-каннибал стал бы откровенничать с потенциальным завтраком, но чудеса встречаются в любой из Зон...

Пятно наконец поблекло, и «синяя панацея» полезла из раны, устало шевеля лепестками. Давалось ей это с трудом, поэтому она не церемонилась особо, еще больше раздирая

в лоскуты и пропитанную кровью материю, и человеческую плоть под ней. Жуткая картина, а помочь нельзя. Может наброситься и начать внедряться в твою же руку. И тогда только один выход – отрубить ее или отстрелить на фиг, пока артефакт не пролез дальше, влегкую перемалывая плоть и кости, словно титановая мясорубка. Старики говорили, что после лечения «панацея» опасна только до тех пор, пока полностью не вылезет наружу. После этого она стремительно каменеет.

И точно. Оказавшись на спине раненого, артефакт замер и медленно завалился набок. Теперь на разлохмаченном месиве из лоскутов камуфляжа и человеческой кожи лежала окаменевшая кувшинка, слегка мерцающая изнутри изрядно потускневшим синим светом.

«Кошмарный шрам будет, – отстраненно подумал Рэд. – Примерно такой же, как у меня на брюхе справа».

После увиденного трудно удивляться чему-либо. Шухарт и не удивился, когда добросовестно зарезанный сталкер шевельнулся и застонал. Хороший симптом. Рэд обтер «панацею» рукавом, спрятал обратно в кармашек пояса, застегнул рубашку, достал из кармана плоскую флягу, приложился к ней, потом потряс. Нормально. Где-то треть осталась, хватит на всё.

Совершив эти нехитрые манипуляции, сталкер завинтил крышку, поставил флягу на камень, поднатужился – и перевернул человека, только что бывшего при смерти.

Понятное дело, лицо у него было в грязище и крови, со всего маху ж грохнулся ничком, когда не пойми откуда вылез. Рэд оторвал от его камуфляжа нарукавный карман, смочил внутреннюю, чистую сторону тряпки коньяком и провел по ссадинам, убирая вишнево-черную грязь, покрывавшую лицо, словно маска. Вроде ссадины не особо глубокие, даст Зона, столбняка не случится. А не даст – и от пустяковой занозы сепсис подхватишь.

Раз провел, другой. Коньяк у Розалии знатный, не спирт, конечно, но все-таки лучше, чем ничего. Сталкер застонал снова, вздохнул глубоко – и открыл глаза. Очнулся, значит. Это хорошо. Стало быть, в ближайший час от кровопотери помереть не должен...

И тут Шухарт его узнал. По глазам. Сталкерские рожи-то часто похожие, словно их одна мать-Зона родила, – суровые, обветренные, грязные и заросшие щетиной. А вот взгляд – это словно визитная карточка. По нему опытный бродяга сразу поймет, что у человека на уме и в душе. Этот же взгляд точно никогда не забудешь, будто двуствольный «винчестер» двадцать первой модели ожил и на тебя внимательно так посмотрел, прикидывая: выстрелить или же пусть еще поживет?

– Ну, привет, сталкер с Украины, – слегка растерянно пробормотал Рэд по-русски. – Какая же нелегкая занесла тебя сюда? И кто это тебе нож в спину воткнул?

В глазах, глубиной своей похожих на ружейные стволы,

мелькнуло узнавание.

– Здорово... американец... – прохрипел Снайпер. – Воды...

– Воды нет, – покачал головой Шухарт. – Глотни вот этого, полегчает.

И, приподняв голову своего недавнего товарища по приключениям на другом конце света³, влил ему в рот немного коньяку.

Снайпер закашлялся, повернул голову, сплюнул в сторону.

– Ну... и дрянь. Там, в вещмешке...

На «дрянь» Рэд слегка обиделся, но виду не подал. Ну да, то, что старуха Розалия с подачи своего покойного мужа величает «коньяком», на самом деле обычный самогон со всякими добавками, делающими его похожим по цвету и вкусу на благородный напиток. Ну, скажем так, слегка похожим. Ну и что? Зато крепко, дешево, и пока еще от него никто не помер – хотя если перепить, то с утра будешь зеленый, как «газированная глина», и неподвижный, словно завалившееся надгробие на старом кладбище.

Но, несмотря на обиду, Рэдрик все же руку протянул, подцепил за лямку некое подобие рюкзака, вывалившееся вместе со Снайпером непонятно откуда, открыл...

И присвистнул.

³ О совместных приключениях Рэда Шухарта и Снайпера в украинской Зоне можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Сталкер. Закон Шухарта».

Снеди в рюкзаке было на неделю. Тщательно завернутые в тряпки ломти вяленой говядины, каравай хлеба, полголовы сыра, солидный пучок зеленого лука. Причем запах от всего этого шел одуряющий, будто не как положено все это делали, из синтетических белковых волокон и генетически модифицированных злаков, а вырастили где-то в волшебной стране, где нет других удобрений, кроме навоза, а коровы едят просто траву да сено, и ничего более.

Помимо простой пищи, от запаха которой голова шла кругом, были там два кожаных сосуда странной формы, в которых что-то булькало.

– В том, что поменьше... вода, – прохрипел Снайпер.

Шухарт намек понял и поднес к губам сталкера мягкую флягу, похоже, сработанную из натуральной кожи. Интересно, где ж успел побывать этот бродяга после того, как они расстались в украинской Зоне⁴? Каким-то махровым средневековьем пахло из его вещмешка, седой древностью, когда люди еще не травили себя химией, а ели лишь то, что растет на земле и бегает по ней.

Напившись, Снайпер попытался приподняться на локте – и ему это удалось.

– Где я? – спросил он.

– В Америке, – отозвался Рэд. – Штат Монтана, Зона воз-

⁴ О том, где побывал Снайпер после приключений, описанных в «Законе Шухарта», можно прочесть в романе Дмитрия Силлова «Побратим смерти» литературной серии «Роза Миров».

ле города Хавр, который местные жители называют Хармон-том.

– И как... меня сюда занесло?

– Без понятия, – пожал плечами Шухарт. – Тут неподалеку Золотой Шар лежит, исполняющий желания. Я своё почти высказал, когда открылся портал, из которого ты вывалился весь в крови и едва живой. Ну и вот.

Похоже, Снайпер не особо удивился, словно с артефактами, исполняющими желания, имел дело давно и весьма плотно. А уж ходить туда-сюда через пространство для него вообще все равно что в магазин напротив за хлебом пройти.

– Как я понимаю... ты вытащил меня... из какого-то конкретного дерьма, – предположил он, оглядывая окружающий мрачный пейзаж. Слова еще давались ему с трудом, но воля к жизни и природное упрямство потихоньку брали своё, заставляя организм экстренно включиться в режим восстановления.

– Типа того, – отозвался Шухарт, поднимая с земли длинный окровавленный нож с резной рукоятью. – Это торчало у тебя под левой лопаткой.

– Понятно, – медленно проговорил стрелок. – Слуга, сволочь... То-то его рожа показалась мне знакомой...

– Слуга? – переспросил Рэд, не уверенный, что правильно понял слово.

– Потом расскажу, – произнес Снайпер. – Давай перекусим, что ли, а то жрать хочу как барракуда.

Шухарт кивнул. После хорошей драки обычно наступает реакция – у кого-то поспать, у кого-то откоитусить первое попавшееся существо противоположного пола, по возможности, живое... А у некоторых – поесть как следует, желательно запивая все это чем-нибудь бодрящим. Рэд явно принадлежал к третьей категории.

На обочине дороги, ведущей в карьер, много лет назад разбитой гусеницами и колесами тяжелых грузовиков, стоял облезлый автофургон. За ним вполне можно было укрыться от ветра, постоянно дующего здесь в одном и том же направлении, и развести костер. Туда и оттащил Шухарт тяжелую поклажу товарища, а потом помог ему встать и перебраться на новое место.

Как бы ни было тяжело человеку на войне или в условиях, приближенных к ней, бывалый воин всегда найдет время и место для неторопливого обеда и беседы возле костра. И пусть совсем рядом маячит карьер, похожий на большую могилу с бахромой странных сосулков цвета засохшей крови по краям, смахивающих на толстые витые свечи. И пусть там, на дне, покачиваясь, словно невидимая кобра в ожидании добычи, торчит на своем месте «мясорубка», поджидая очередную добычу. И пусть вокруг раскинулась Зона – мрачная, страшная в своей безмолвии, изредка нарушаемом лишь шелестом «жгучего пуха» и эхом чьего-то далекого предсмертного крика. Пусть... Пусть весь мир подождет, пока сталкеры обедают. Это потом, когда окончится их пик-

ник на обочине старой, разбитой дороги, они встанут со своих мест и разберутся и с Зоной, и со всем миром. Или погибнут во время этой разборки, что тоже случается довольно часто. Но все это будет потом, после окончания их простого, безыскусного пикника возле костра...

У еды из рюкзака Снайпера восхитительным оказался не только запах – а может, Шухарт просто зверски проголодался за этот слишком длинный день. Так или иначе, он быстро и обстоятельно сделал себе сэндвич из половины каравая хлеба, сыра, мяса и зелени, после чего принялся с завидной скоростью его уминать, запивая восхитительным красным вином из бурдюка.

Снайпер ел мало. Он сидел, прислонившись спиной к ржавому колесу фургона, и думал о чем-то своем.

– Не расскажешь, как сюда попал? – спросил Шухарт, умяв три четверти гигантского сэндвича и слегка подустав от этой нелегкой работы. По телу разлилось приятное тепло, и решительно не хотелось сейчас думать о котловане, «мясорубке», Золотом Шаре... Хотелось отвлечься от всего этого хоть ненадолго, послушав о чужих приключениях и чужих, уже решенных проблемах. Живому человеку нужен хотя бы короткий отдых. Иначе любой, даже самый непробиваемый и непобедимый покоритель Зоны может запросто соскочить с катушек – что на памяти Рэдрика бывало неоднократно со сталкерской братией.

– Хорошо, – бесцветным голосом произнес Снайпер. И

начал рассказывать, уставившись на багровые языки костра, словно там, в пламени, видел он снова все, что произошло с ним после того, как он расстался с Шухартом в украинской Зоне. Про очередной переход между мирами. Про девушку, которая излечила его от смертельной болезни. Про другую девушку, превратившуюся в чудовище. Про то, как обе они умерли страшной смертью, потому что во всех мирах и добро, и зло наказуемы одинаково. И про простого парня, который спас множество людей, принеся в жертву себя⁵...

– Сильно, – произнес Рэд, когда Снайпер окончил свой рассказ. – Сильно и страшно. Стало быть, получается, что наша реальность – это элемент Розы Миров, соседствующий еще с восемью другими мирами?

– Похоже на то, – отозвался Снайпер, потихоньку удивляясь про себя. Как очнулся, хреново было – жуть. Ноги не шли, голова кружилась, перед глазами кровавый туман колыхался... Но сейчас он чувствовал, как по телу разливается какая-то потусторонняя энергия, даже вены на руке будто слегка налились каким-то синим светом.

– Странно, да? – усмехнулся Рэд, уже с меньшим энтузиазмом принимаясь за остатки сэндвича – чисто чтоб добро не пропадало. – Когда ты меня «синей панацеей» с того света вытащил, я тоже себя час-полтора не в своей тарелке чувствовал. А потом накрыло, будто хорошую дозу «экста-

⁵ Подробно обо всем этом можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Пока не придет смерть» литературного цикла «Роза Миров».

зи» принял. Это остаточная энергия «панацеи». Способствует восстановлению организма. Так что пользуйся, пока оно действует...

– Значит, ты меня «синей панацеей» с того света вытащил, – задумчиво произнес Снайпер. – Той самой, которую для своей жены и дочки, рискуя жизнью, в украинской Зоне раздобыл.

– Ну, во-первых, Долг Жизни платежом красен, – отозвался Шухарт. – Так что теперь я точно с тобой сполна рассчитался, причем той же монетой. И, во-вторых, некого мне теперь спасать. Всех моих ученые в мутанты записали и определили в Институт аномальных зон для исследований.

– В Институт аномальных зон? – переспросил Снайпер. – Никогда про такой не слышал. Похоже, теперь настала пора тебе рассказать все подробно – и о себе, и о вашей Зоне.

И Шухарт рассказал. Про то, как молодой и удачливый сталкер полюбил девушку, самую лучшую на свете. Как они поженились, как дочка у них родилась со странной, но милой шерсткой по всему телу. Тогда ради своей семьи сталкер завязал с опасной профессией, устроился лаборантом в тот же Институт, называвшийся тогда по-другому. Как однажды по его вине погиб хороший человек, и парень «сорвался», как срывается наркоман, однажды завязавший с дурью. Снова начались нелегальные походы в Зону, окончившиеся арестом и тюрьмой, вернувшись из которой сталкер вновь взялся за старое. И вновь отправил на смерть невинного челове-

ка, но теперь уже осознанно, пожертвовав чужой жизнью ради исполнения чужого желания⁶...

Снайпер покачал головой.

– Дармовое счастье для всех, надо же. Красиво, но нереально. Когда хорошо одному, кому-нибудь обязательно хреново – иначе как первый поймет, что ему хорошо, не сравнив себя со вторым? И как второй поймет, что его жизнь дерьмо, если не увидит счастья первого? Когда хорошо всем, значит, равновесие нарушено. Думаю, ничего хорошего из этого не получилось.

– Правильно думаешь, – горько усмехнулся Рэд. – Всем в Хармонте стало хорошо, все стали богатыми и счастливыми, но продолжалось это недолго. Город оцепили войска, я потерял семью и уехал на другой конец света искать там свое личное счастье – панацею, которая излечит тех, кто для меня дороже жизни. Дальше ты знаешь.

Снайпер кивнул.

– Ну да, помнится, хабара ты взял в украинской Зоне богатому. И, поскольку сейчас здесь, а не в тюрьме, сумел провезти через границу.

– А что толку? – пожал плечами Шухарт, подбрасывая в костер новую порцию топлива – благо дощечек от разбитых ящиков возле фургона валялось предостаточно. – В Институт не пробраться. Думаю, сейчас там после моего визита

⁶ Подробно об этих событиях можно прочитать в знаменитом романе Аркадия и Бориса Стругацких «Пикник на обочине».

тройная охрана. Теперь вся надежда на Золотой Шар. Может, услышит он мое желание и вернет все обратно. Или я все-таки как-то проберусь в Институт и вылечу своих.

Снайпер покачал головой.

– Судя по твоему рассказу, вряд ли в данном случае поможет тебе этот круглый джинн без бутылки. Да и как-то не верится мне, что «синяя панацея» сможет излечить от мутации.

– Ты умеешь подбодрить, – сказал Шухарт. – Спасибо. Только больше у меня вариантов нет. А делать что-то надо. Своих я не брошу.

– Это правильно, – кивнул Снайпер. – Родных надо выручать. Но если тебя пристрелят, помочь им будет некому.

– Понимаю, – вздохнул Рэд.

Тьма сгущалась быстро, как это всегда бывает в Зоне. Серый вечер только что висел в воздухе, словно унылый занавес, и вдруг – на тебе. Темень, хоть глаз коли. Чернильная, вязкая, будто смола, только что к телу не липнет. Лишь пламя костра не давало ей опуститься на головы сталкеров, задушить в своих влажных объятиях, пахнущих болотной сыростью...

Снайпер мотнул головой, отгоняя морок. И чего только не лезет в голову! Ночная Зона – неприветливая хозяйка. Страшно в ней днем, а после наступления темноты – и подавно. Сразу вылезают наружу первобытные кошмары, и вновь ощущаешь ты себя не цивилизованным человеком, а эда-

ким мохнатым неандертальцем, нахально кинувшим вызов всему окружающему миру... и вполне обоснованно ожидающим трендюлей от него по этому поводу. Но, с другой стороны, выбор-то небольшой. Или ты этот мир сделаешь, или он тебя сомнет, скрутит, словно «мясорубка», и выплюнет исковерканную душу вместе с мелкими осколками костей...

В небольшой круг света, отбрасываемый костром, осторожно вошла большая серая крыса. Дернула носом, обвела сталкеров безразличными глазами-бусинами, схватила кость с остатками мяса, повернулась задом и ретировалась неторопливо – мол, взяла своё и никому ничего не должна.

– Ну и вот, – сказал Шухарт, проводив взглядом ночную гостью. – Ни тебе «здрасте», ни тебе «спасибо». Как будто так и надо.

– А ты «спасибо» говоришь, когда из-за кордона артефакты таскаешь?

– Я – говорю, – серьезно ответил Шухарт. – Зоне – непременно. И, кстати, неудачное сравнение. Сталкеры не крысы, а добычки, которые за хабар платят неслабую цену.

– Согласен насчет сравнения, не прими в ущерб, – повинился Снайпер. – Но я сейчас о другом подумал. Ты говоришь, что ваше светило – как его? Пильман? Так вот, он утверждает, что артефакты и аномалии – это остатки некоего гипотетического пикника предполагаемых пришельцев.

– Скажем так, это его любимая теория, – поправил Рэд. – Одна из любимых, у него их много.

– Пусть так, – кивнул Снайпер. – Но тогда есть одна несостыковка. Ты сам говорил, что по подсчетам вашего Института в месяц с шести Зон, существующих на планете, только ученые выгребают около трех тысяч единиц различных артефактов. А с нашим братом сталкером все пять-шесть будет влегкую. Грубо говоря, одна ваша Хармонтская Зона тысячу артов в месяц рождает. И вот вопрос: откуда они берутся?

– Хрен его знает, – пожал плечами Рэд. – Может, их аномалии выплевывают.

– Может быть, – согласился Снайпер. – У нас в Украине частенько находили арты либо в самих аномалиях, либо неподалеку от них. Но зачастую бывало, что валяется тот же «браслет» где-нибудь в подвале, а ближайшая аномалия от него в полкилометре.

– Ну да, у нас то же самое, – кивнул Шухарт. – Но все равно не понимаю, к чему ты клонишь.

– К тому, что в свете постоянного притока артефактов в Зону теория с одноразовым пикником не проходит, – задумчиво произнес Снайпер. – И все другие теории тоже ничего не объясняют. Кроме одной. Вспомни крысу. Мы пришли, поели, бросили на землю артефакт. Она подобрала, и больше на этом месте ей в ближайшее время поживы не будет. Вряд ли здесь каждый день сталкеры ночевку устраивают, не гостиница поди. А вот если на одно и то же место с определенной периодичностью вываливать пустые бутылки, разряженные батарейки, клочья волос, что в пылесос наби-

лись, надоевшую дешевую бижутерию, то это будет...

– Свалка... – слегка растерянно проговорил Шухарт. – Постоянно пополняемая свалка отходов.

– Ну да, типа того, – кивнул Снайпер. – Причем отходов, может быть, и не особо опасных, но неприятных. Которые утилизировать или невозможно, или слишком дорого. Но если их не выбросить, то они гнить начнут, вонять, портить настроение и помаленьку отравлять экологию.

Шухарт помолчал, осознавая услышанное, потом достал сигарету из трофейной пачки, найденной в кармане костюма, вынул из костра тлеющую дощечку, прикурил и жадно затянулся.

– Обалдеть, – выдохнул он вместе с дымом. – Надо же, как просто. И докопаться не до чего. Кстати, в свете твоей теории Розы Миров, самое то. Так и вижу: открывается портал из эдакого продвинуто-стерильного мира, где наш считают помойкой, и чистоплотные уроды в спецкостюмах вываливают в Зону их дерьмо. А потом еще разравнивают каким-нибудь нано-трактором, как на наших свалках кучи мусора разгребают бульдозерами, чтоб потом поверху новый слой отходов навалить. И после на тех свалках рождаются крысы, кроты и черви с разными мутациями...

Сталкер сжал кулаки, до боли вонзив ногти в ладони. Теория Снайпера была слишком логична, чтобы быть ошибочной. Все как-то сразу встало на свои места. И часто встречающиеся «пустышки» при всего одной найденной полной,

не иначе, выброшенной ошибочно. И «этаки», у которых, по мнению ученых, нереальный потенциал, но энергии хватает только на то, чтобы завести автомобиль. И антенны, обросшие «мочалом», так похожим на спутанные ключья чьих-то волос, и «браслеты», которые сталкеры и богатеи со всего мира носят на запястьях для повышения жизненного тонуса... Получается, все это – мусор со свалки. Опасный мусор, зараза, которую крысы в человеческом облике разносят по всему остальному миру...

– Ну уж хрен они угадали, – глухо прорычал Рэдрик. – Я им покажу помойку, сукиным детям. Я им головенки их хитромудрые голыми руками посворачиваю...

– Голыми, боюсь, не получится, – сказал Снайпер, подтягивая к себе большую кожаную сумку, прошитую натуральными воловьими жилами и туго затянутую плетеными ремешками. – Дай-ка сюда нож, а то с этими узлами я до утра провожусь. Свой я, похоже, выронил, завтра надо будет пойти поискать. Н-да, добротню упаковали мое скромное барахлишко Никс с Тестомесом, ничего не скажешь. Лично постарались, слугам не доверили.

– Помочь? – предложил Шухарт, протягивая Ка-Вар, отнятый у Мальтийца.

– Да нет, благодарю, – отмахнулся Снайпер. – Друзья сказали, что если кто кроме меня в сумку полезет, то руки у него отсохнут прежде, чем до содержимого доберется. Звучит, конечно, бредово, но я почему-то им верю.

Первым из сумки был извлечен уже знакомый Шухарту автомат «Вал» с нестандартным увеличенным магазином и нестандартным глушителем. Далее на заранее подстеленную тряпку лег пистолет АПБ с фирменной резиновой накладкой на рукояти, препятствующей скольжению потной или окровавленной руки, и, само собой, еще один самопальный глушитель для легендарного пистолета, вдвое короче штатного.

– Где-то я все это уже видел, – пробормотал Рэд. – И даже догадываюсь, что будет дальше.

А дальше из сумки был извлечен аккуратно свернутый бронекостюм Mutant. В отличие от Шухартового научного комбинезона, чисто военная разработка. Рэду сразу вспомнилась реклама в журнале, на которую он облизнулся пару раз – и скорее перевернул страницу, чтоб душу не травить:

«Бронекостюм Mutant, легкая и удобная альтернатива надежному, как танк, но все-таки громоздкому WEAR 3Z!

В состав бронекостюма входит:

а) арамидный комбинезон с дополнительной бронезащитой всех суставов, рассчитанный на прямое попадание осколков мин, гранат, снарядов, а также на кратковременное пребывание в открытом пламени. Ткань пропитана специальным составом, за счет которого комбинезон препятствует проникновению влаги извне. Также Mutant блокирует излучение в ультрафиолетовом и инфракрасном спектрах, что делает бойца невидимым в тепловизионный прицел.

Помимо вышеназванных усовершенствований, в Mutant встроена логическая система “экстренная помощь”, включающая в себя как немедленные меры по герметизации поврежденного комбинезона, так и неотложную помощь бойцу, находящемуся внутри костюма;

б) специальный многослойный изолирующий шлем со встроенной суперкомпактной системой генерации воздушной смеси и прибором ночного видения пятого поколения. Будучи одетым в комплекте с комбинезоном, образует замкнутую систему, обеспечивающую бойцу качественную вентиляцию всего тела;

в) штурмовой комбинированный бронежилет представляет собой симбиоз мощной защиты шестого класса с вместительной разгрузкой, подгоняемой под конкретные запросы бойца. Оснащен практически ничего не весящими керамическими бронепластинами нового поколения, способными с пяти футов держать выстрел штурмовой винтовки M16. Помимо этого, представляет широкую возможность для размещения на нем автоматных магазинов, гранат, фляг, радиостанции, бинокля, а также иных предметов и вооружения, необходимого бойцу для выполнения широкого спектра тактических задач».

Снайпер перехватил взгляд товарища и покачал головой.

– Все было бы хорошо, когда б не было так плохо. Конечно, «шкура» знатная, но без аккумуляторов это минус

шестьдесят процентов эффективности. А они сели в ноль, так что...

– Сейчас, – сказал Рэд, роясь в карманах. Не может чтобы запасливый Мальтиец не озаботился самым необходимым... – Есть, держи.

На ладони Шухарта лежал большой «этак». По меркам Предзонья, относительно дешевый артефакт, малые экземпляры которого многие люди во всем мире используют вместо аккумуляторов в автомобилях – конечно, те, кто не боится связываться с дарами Зоны. Ученые утверждают, что «этаки» безопасны, но кто его знает, как оно на самом деле.

Большой «этак» встречается реже, но и энергии в нем намного больше. Например, научный костюм на нем запросто дня три работать может.

– Думаешь, подойдет? – с сомнением спросил Снайпер, открывая крышку аккумуляторного отсека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.